

АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА

ЯГА И ГОРЫНЫЧ

ДРАКОН В ДЕЛЕ

Александра Лисина

Яга и Горыныч. Дракон в деле

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69475285

Аннотация

Каких только небылиц не насочиняют люди про злую и страшную бабу Ягу! Хотя на самом деле я вовсе не страшная, совсем не злая, да и добрыми молодцами не питаюсь, предпочитая пользоваться услугами скатерти-самобранки.

Само собой, одинокой симпатичной девушке, решившей поселиться в дремучем лесу, надо быть готовой ко всему. Но с большинством моих трудностей прекрасно справляется магия, с остальным помогает кот, а нехороших личностей, вздумавших позариться на мое добро, я всегда могу огреть чугунной сковородкой.

Одна беда – никто не ходит в гости к бабе Яге. Да и суженого ей найти непросто. Но если безлунной темной ночью взять волшебное зеркальце и погадать на свою судьбу, то кто знает, что из этого получится...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	30
Глава 3	46
Глава 4	66
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александра Лисина

Яга и Горыныч.

Дракон в деле

Пролог

– Ту-дуду-ду ту-ду!..

Я замерла, занеся ногу над краем кровати и держа в одной руке край одеяла.

Кто это заявился на ночь глядя?

Охотников, которых накануне подрал в лесу медведь, я благополучно вылечила и отпустила еще утром. Медведь, которого они обидели, ушел вскоре после обеда. Деревенских я сразу предупредила, чтобы больше к нему в берлогу не лезли... Так кому еще я могла понадобиться?

– Госпожа ведьма! – прокричал снаружи чей-то молодой и на редкость звонкий голос. – Госпожа ведьма-а! Вам послание от Людовика Двенадцатого Велеречивого!

Хм. Помнится, король Тридевятого королевства уже больше года не был способен произнести ни единого слова, так что Велеречивым его называли неоправданно.

Впрочем, король есть король. Даже если я и наслала на него заклятие немоты, то это не повод его игнорировать.

Отбросив в сторону одеяло, я накинула прямо на сорочку расписанный цветами сарафан, перекинула через плечо длинную русую косу и, босиком прошлепав к двери, выглянула на улицу.

– Ту-дуду ту-ду! – снова протрубил в рог восседающий на смирной лошаденке разодетый в пух и прах королевский глашатай. – Госпожа Ядрига Лесовишна-а-а!

– Ты чего шумишь, ирод? – хмуро осведомилась я, выбравшись на крыльцо. – Давно с лешим не встречался?

Молодчик испуганно притих. Лошадка под ним беспокойно всхрапнула, а два малахольных рыцаря, вставших на пару со своими конями чуть поодаль, дружно втянули головы в плечи.

Охраннички, тоже мне... у короля что, никого поприличнее для сопровождения не нашлось?

– П-простите, госпожа Яга, – с трудом вернул себе самообладание глашатай. – Но тут такое дело... в общем, в наших краях объявился опасный преступник, и его величество крайне обеспокоен сим фактом, поэтому повелел оповестить всех жителей королевства... в том числе и вас... о возможной угрозе.

Я заинтересованно наклонила голову.

Ну положим, владения Людовика Двенадцатого не настолько велики, чтобы наводить панику. Всего один город и десяток сел вокруг – вот, собственно, и все королевство. За пару дней объехать можно. Но раньше ко мне королев-

ские посланники с такими глупостями не заворачивали. Выходит, что-то изменилось?

– Что за преступник? – осведомилась я, облокотившись на перила.

– Оборотень, – доверительно сообщил молодчик, мудро держась подальше от забора и не порываясь зайти без приглашения. – Кровожадный – жуть! Намедни целое стадо коров на части разодрал, так после него все поле кровищей залило! Неделей раньше сожрал отару овец. Тоже – словно дикий зверь, обезумевший при виде добычи. А совсем недавно сразу трех девок... ну... того... этого...

– Что, и их тоже съел? – не поверила я.

– Да нет же! Обольстил, зачаровал и коварнейшим образом обесчестил! Причем леди были знатных кровей и просто ехали домой, а он... негодяй этот, значитца... прямо по пути их перехватил, охрану разогнал, а над девицами гнусно надругался! Вот!

Причем глашатай произнес это с таким воодушевленным видом, словно хотел самому себе приписать столь невероятную заслугу.

– Не совсем поняла, – все-таки решила уточнить я. – Так кого же вы все-таки ловите: убийцу или насильника?

– Обоих, – торжественно отозвался молодчик.

– О. Так их все-таки двое?

– Один, госпожа ведьма! Девицы клянутся, что негодяй был один!

– То есть они его запомнили?

– А то ж! В сознании все трое были! Сами за ним пошли!

Я снова удивилась.

– Если они сами пошли, то какой же он тогда насильник?

– Так ведь зачарованы они были! – с жаром возразили мне. – Где это видано, чтобы честная девица с первого же слова повелась на лстивые речи и легко уступила незнакомцу? А если девица не одна, а сразу трое? Так что чары это были! Как есть чары, госпожа ведьма!

– Да? – все-таки усомнилась я. – И как же он выглядел, ваш разбойник?

– Плечи – во, руки – во... патлы длинные, глаза колдовским светом горят, улыбка проказливая, бесовская, а сам смазли-и-ивый...

Я хмыкнула.

– Если у его такая приметная внешность, то что же он ее не скрыл-то? Маску, к примеру, не надел? Или плащ с капюшоном? Да и с чего вы вообще решили, что обольстил девиц и покрошил коров в капусту один и тот же человек?

Глашатай всплеснул руками.

– Дак пастух его опознал! Пришел поутру проверить стадо, а стада-то и нету! Только тот лиходей в стогу сена голый лежит! Дрых, подлец, и в ус себе не дул! Сам в крови, земля вокруг истоптана так, будто там великаны порезвились. Рядом кости и обрывки шкур валяются. От коров, можно сказать, только ножки да рожки остались, а этот голозадый, ко-

гда пастух решил его связать, вдруг проснулся и так рыкнул, что мужик от испуга чуть имя свое не забыл и припустил домой, пока самого не сожрали! Описал злодея один в один, как те девицы! А мужики потом следы странные возле стога нашли, отпечатки лап, причем огромные, так что оборотень это, госпожа ведьма. Точно оборотень, мамой клянусь!

Я тряхнула головой.

– Ладно, допустим. Но при чем тут я?

– Да тут такое дело, госпожа, – внезапно смутился парень. – Девицы-то писать жалобу в королевский исполнительный приказ наотрез отказались, сказали, что злодея злодеем вроде как не считают, поэтому официально преследовать его можно только за разорение крестьян. Королевский маг во всеуслышание заявил, что леди и впрямь заколдованы, вот только волшба ему неизвестная и очень сильная, раз даже спустя несколько дней чары так и не спали. Потом выяснилось, что обесчещенных девиц-то у нас и в деревнях хватает, причем все как одна на белобрысого нелюдя указали! Так что вы бы тоже побереглись, госпожа ведьма. Вдруг злодей и на вас однажды наткнется? Его величество крайне обеспокоен, поэтому призывает вас к осторожности и благо разумию, а также предлагает свою помощь и защиту.

Я взглянула на встревоженного глашатая, потом – на обоих нервно озирающихся рыцарей и едва не расхохоталась.

Вот это? Защита?! Двое чудиков в железе и со швабрами в руках?!

Ха-ха!

Вот уж от кого не ждала внимания, так это от Людовика Двенадцатого.

Впрочем, король, как обычно, печется исключительно о себе, потому что, кроме меня, немоту с него снять никто не сможет. Мои-то чары не чета обычной волшбе – и за сто лет на рассеются, и за тысячу не рассосутся.

Однако заботу я все-таки оценила.

– Спасибо за предупреждение, господа, – со смешком сообщила я, когда паренек выжидательно на меня уставился. – Передайте его величеству, что я тронута, но от охраны пока отказываюсь. А все возможные риски беру на себя и не буду иметь претензий к его величеству, если все-таки встречу того оборотня.

– Премного благодарны, – с невероятным облегчением выдохнул глашатай и даже умудрился, не вылезая из седла, почтительно поклониться. – Не смеем вас больше беспокоить, госпожа ведьма.

– И вам скатертью дорожка, – кивнула я, знаком давая понять, что больше их не задерживаю. – Только не шумите на обратном пути. Леший, может, внимания и не обратит, а вот если Лихо одноглазое разбудите, то домой точно в срок не вернетесь.

Гости закивали и торопливо развернули коней, стараясь при этом поменьше бряцать доспехами и сбруей. А я, дождавшись, пока они растворятся среди деревьев, присела

на крылечко и рассеянно погладила выбравшегося из-за угла пушистого черного кота.

– Что, Базилевс? И тебя эти болтуны разбудили?

– Мя! – согласно мяукнул тот, забираясь ко мне на колени.

Он уже давно у меня жил. Когда-то сам ко мне из лесу вышел. Молодой тогда еще был, совсем слабый, неопытный... Ну да я только обрадовалась – вдвоем-то всяко веселее. И долгие вечера вместе коротать, и дела разные делать, да и просто душу отвести, если грусть-тоска внезапно накатит.

Какое-то время мы с Базилевсом просто сидели, привычно слушая пение сверчков и стрекотание невидимых кузнечиков. Ночь сегодня выдалась тихой и совершенно безветренной. Луна, правда, быстро спряталась за тучи, но спать, как назло, больше не хотелось.

– А давай-ка мы с тобой погадаем? – предложила я, почесав сыто жмурящегося кота за ушком. – Давно я этого не делала, но уж больно время подходящее... самое то для пророчеств.

Шевельнув бровью, я выудила из воздуха белоснежное блюдечко, в котором, умудряясь не выливаться через край, плескалась вода из волшебного колодца. Слегка на него подула, затем повернула три раза вокруг оси, прошептала наговор и напряженно всмотрелась.

Гадать на суженого я уже лет сто как не решалась – все предыдущие попытки оказались неудачными, поэтому рис-

ковать больше не хотелось. То ли суженый мой еще не родился. То ли, наоборот, счастье свое я давно проморгала, поэтому блюдечко все время показывало одну темноту. И даже сейчас в нем отразилось лишь безлунное небо, в котором загадочно перемигивались первые звезды.

Эх...

– Ничего, – в который раз разочарованно констатировала я.

– Мур? – заинтересованно потянулся к блюдцу Базилевс. И то ли он случайно подтолкнул его лапой, то ли черный волосок упал и потревожил зачарованную воду... но сегодня впервые за много лет вода в блюдце внезапно засветилась, словно на нее упал яркий солнечный луч.

Мгновением позже я с изумлением увидела в ней стремительно падающую звезду. Потом услышала неясный гул. А когда вскинула голову, то обнаружила, что над моей избушкой с ревом пролетело нечто огромное и пышущее жаром, словно объятая пламенем гора. После чего это нечто так же стремительно скрылось за деревьями и рухнуло там с таким грохотом, что подо мной крыльцо ходуном заходило.

– Вот те раз, – ошеломленно проговорила я, когда светопредставление закончилось, а непонятный грохот стих. – Базилевс, ты кого мне сосватал?!

Кот с независимым видом отвернулся, после чего ловко спрыгнул на доски и, не дожидаясь, пока я приду в себя, помчался смотреть, кого же предназначила мне судьба.

Глава 1

Даже в обычном лесу можно найти множество тропок – прямых и извилистых, узких и широких, звериных и человеческих. А вот в волшебном есть еще тропы тайные, заповедные, которыми только леший пользуется и такие, как я, ведуньи, коих простой люд незаслуженно называет ведьмами.

Ведьмы, они ведь живут за счет других. Чужой силой питаются, крадут эмоции, саму жизнь, поэтому-то и неспособны долго находиться вдали от людей. Тогда как мы, ведуньи, всего лишь знаем больше других, ведаем тайны, что простому люду недоступны, и гораздо лучше видим, слышим и понимаем мир, который готов открыться нам по первому зову.

В отличие от ведьм, мы не любим шумных городов, не стремимся в народ и предпочитаем обустривать жилища в местах средоточия своей силы. Кому-то, как мне, милее сердцу лесные просторы и уютная тишина многовековых деревьев. Кто-то, напротив, жить не может без звонких ручьев и величественных озер. Кому-то больше приглянулись болота, ну а кто-то ведает тайны гор, поэтому и уходит на глубину, порой не выбираясь на поверхность веками.

Здесь, в местах силы, мы практически неуязвимы. Земля, которую мы считаем своей, дает нам долголетие, невиданные способности и возможность творить настоящие чудеса. Мы же в обмен обязуемся оберегать ее от любых угроз, слов-

но верные дочери – горячо любимую и заботливую мать.

Вот и сейчас, стоило мне только пожелать, как по верхушкам деревьев словно ветерок пронесся. После чего могучие стволы со скрипом расступились, а воздух между ними задрожал, открывая ту самую заветную тропу, которая и привела нас с котом к нужному месту.

Всего один шаг, и вот я уже стою на краю огромной ямы, с недоверием глядя на свое долгожданное счастье.

Надо же, дракон...

Как бы невероятно это ни прозвучало, однако посреди дремучего леса, в глубокой воронке, пробитой его же собственным телом, лежал самый настоящий дракон! Причем не простой, а покрытый крупной золотой чешуей, величественный, красивый... вот только при этом кем-то жестоко израненный.

У меня аж сердце екнуло, когда я увидела сломанное крыло и торчащие из безобразной раны кости.

Бедняга. Похоже, упал он не сразу, а сперва проделал в лесу широкую просеку. Вокруг столько веток и стволов поломанных лежало, что образовавшаяся при падении воронка походила на свежую рану. Деревья повсюду оказались выкорчеваны с корнем. Многие были смяты, словно в ладони горного великана. Кусты выворочены. Земля разбросана в стороны. Тогда как дракон, судя по всему, при падении напоролся грудью на один из стволов, поэтому чешуя там почернела и разошлась, а сверху ее присыпало ветками, щепками,

землей и свежим пеплом, словно зверь при посадке случайно дохнул огнем и, не рассчитав сил, опалил волшебным пламенем сам себя.

Покачав головой, я спустилась на дно воронки и подошла к тяжело дышащему змею.

Поскольку при падении его порядком завалило, то оценить состояние раны мне удалось лишь примерно. Однако когда я взмахнула рукой и поднятые магией обломки отлетели в сторону, то оказалось, что насчет повреждений я все-таки ошиблась – на левом боку дракона зияла глубокая вмятина, которую никак не могло оставить обычное бревно. А сверху, похоже, по нему еще и магией прошлись от души. Но, поскольку драконы сами по себе являлись магическими созданиями, то волшебный огонь его всего лишь опалил. Тогда как тяжелый удар сумел поломать ребра, наверняка повредил что-то внутри, и еще чудо, что дракон смог сюда добраться.

Крыло, судя по всему, он сломал уже здесь, когда, потеряв сознание, рухнул всем телом на зачарованный лес. А теперь с трудом дышал, оказавшись передо мной совершенно беспомощным и беззащитным.

– Подожди, – прошептала я, протягивая ладонь к зубастой морде. – Сейчас я тебе помогу.

И привычным движением направила на дракона волну исцеляющей магии.

Однако даже здесь, в самом средоточии моей силы, она

не оказала на змея ни малейшего воздействия. Вернее, она попросту отскочила от золотой чешуи и вернулась обратно, оставив меня стоять в полнейшей растерянности и досаде.

Что за чудеса?!

Признаться, за свою (а она, надо сказать, была довольно долгой) жизнь мне доводилось встречать немало волшебных созданий, однако с драконом я столкнулась впервые и какое-то время просто не знала, что предпринять. Магия еще ни разу меня не подводила. Да и в целительстве мне без преувеличения не было равных. Но со змеем почему-то ничего не вышло. Магии он не поддался. Да и снадобий я, понадеявшись на чары, с собой не прихватила.

И вот пока я думала и искала варианты, тяжелое драконье веко неожиданно дрогнуло, после чего на меня в упор уставился огромный, хищно прищуренный глаз с вертикальным змеиным зрачком.

Поскольку глаз был размером почти с меня, а чуть ниже виднелась не менее здоровенная пасть, в которой угадывались такие же огромные клыки, то я непроизвольно замерла, и какое-то время мы с драконом просто смотрели друг на друга, не зная, как реагировать и что сказать. Но потом взгляд змея помутнел, кожистое веко опустилось, и дракон сначала потерял сознание, а затем его тело неожиданно замерцало, задрожало, расплылось. И буквально за миг до того, как я до него дотронулась, резко преобразилось, после чего на земле остался лежать уже не гигантский ящер, а об-

наженный молодой мужчина с густой копной золотистых волос, неестественно вывернутой левой рукой и жутковатой раной на боку, при виде которой я тут же спохватилась.

– Базилевс, вернись домой, затопи печь и приготовь постель! Разбуди горлиц и скажи, чтобы принесли горсть ягод с четвертой грядки справа у забора. Затем скажи мышам, чтобы поискали целительных корешков, а сам беги на болото и собери несколько пучков мха с коряг. Я на Топтыгина все наши запасы извела, а они мне сегодня понадобятся.

Базилевс, даром что кот, понятиливо мяукнул и тут же умчался выполнять распоряжение, тогда как я наскоро огляделась и, отыскав взглядом несколько веток покрепче, принялась колдовать.

Может, моим чарам дракон и оказался неподвластен, однако на все остальное я влиять по-прежнему могла. Поэтому мне не составило труда сплести из веток и трав импровизированные носилки, а затем с помощью заклинания левитации приподнять мужчину и аккуратно его перевернуть, прежде чем уложить на этот своеобразный плот.

Драконий оборотень тихо застонал, когда травяные стебельки стянули его надежными путами и зафиксировали сломанную руку, однако в себя он так и не пришел. Даже когда носилки торопливо проплыли над заповедной тропой, веки змея ни разу не дрогнули. И лишь когда мы с котом занесли его в избу и начали перекладывать на постель, незнакомец внезапно приоткрыл янтарные, загадочно мер-

цающие, воистину колдовские глаза, но тут же снова их закрыл, после чего окончательно обмяк и больше признаков жизни не подавал.

На то, чтобы его обмыть и обработать раны, у меня ушло сравнительно немного времени, дело-то давно привычное. А вот чтобы сварить нужное зелье, пришлось провозиться почти до полуночи.

К несчастью, устойчивость к магии не позволяла лечить оборотня как обычно, но на то я и ведунья, чтобы знать другие способы и уметь помогать людям не только колдовством. Так что поправится мой дракон, никуда не денется, правда, времени на это уйдет гораздо больше обычного.

Эх, как же я ошибалась, когда решила, что самое скверное уже позади...

Вскоре после полуночи с незнакомцем начали твориться странные метаморфозы. Он принялся метаться по постели и хрипеть, словно от боли, хотя обезболивающих я в него залила будь здоров. Его кожа сперва разогрелась до невероятных температур, после чего задымилась, едва не подпалив простыни, а потом и засветилась изнутри, словно дракон вот-вот собирался плюнуть огнем.

Это было совсем не к месту – моя деревянная избушка на такое точно не рассчитана. Поэтому нам с котом пришлось здорово постараться, чтобы хоть немного остудить гостя. В ход пошла и колодезная вода, и обтирание, и просто куски льда, которые я в спешке подняла из ледника. Но и

этого первое время не хватало, поэтому пришлось снова подключить травы и срочно варить второе зелье, жаропонижающее, потому что обычное дракону не помогло, а более сильного снадобья у меня в готовом виде не было.

Наконец мы переломили ситуацию и незнакомец все-таки начал потеть, после чего нам пришлось регулярно менять ему простыни, пока змей метался в бреду и бормотал какую-то чушь.

К тому, что он говорил, я даже не прислушивалась – мне было гораздо важнее, чтобы он не убили сам, не зацепил нас с котом и случайно не воспламенился. Ну а когда он все-таки остыл и начал стучать зубами от холода, его пришлось заново согреть, затем опять раскрывать, остужать, обтирать, давать лекарство...

И так несколько раз кряду, пока ему не полегчало.

К тому моменту, когда оборотень все-таки успокоился и забылся тяжелым сном, за окном уже начал заниматься рассвет, а я так вымоталась, что уже даже не помышляла о нормальном отдыхе.

От дракона отойти тоже не рискнула – опасалась, что он снова попытается загореться и спалит заодно весь дом, поэтому прикорнула тут же, у его постели, крепко держа его за руку и даже во сне внимательно отслеживая его состояние.

Несколько раз при этом я просыпалась и тревожно вскидывалась, если мне казалось, что пульс чрезмерно участился или замедлился. Однако, к счастью, каждый раз это оказы-

валась ложная тревога, поэтому вскоре я уснула окончательно и проснулась, лишь услышав над ухом хриплое:

– Эй! Ты кто такая?!

* * *

Надо сказать, ситуация получилась неоднозначной.

К несчастью, сон сморил меня в тот самый момент, когда я устала сидеть на табуретке и прилегла на край постели в надежде сомкнуть веки буквально на минуточку. На минуточку-то на минуточку... а в итоге получилось, что проспала чуть ли не до полудня.

А вот теперь представьте: просыпается, значит, дракон поутру, голый, босый и в чужой постели. Не сразу понимает, где находится и как тут оказался, зато обнаруживает у себя под боком незнакомую девицу с растрепанной косой, помятой физиономией и в откровенно грязном сарафане.

Как думаете, какие у него могли возникнуть мысли по этому поводу?

С досады на собственный промах я ответила не сразу.

– Ты что, немая? – тем временем поинтересовался гость, пытливно заглядывая в мое уставшее лицо.

Он, кстати, оказался гораздо моложе, чем мне показалось ночью. Лет этак двадцать или двадцать пять навскидку. Но если учесть, что драконы, как и большинство магических существ, выросли намного медленнее людей, то полу-

чалось, что передо мной находился еще даже не мужчина. Так, юноша. Правда, уже сформированный, в отличной физической форме, с на редкость правильным, даже, наверное, аристократичным лицом и поразительно желтыми змеиными глазами, в которых таилась откровенная хитринка.

Я лишь раз неосторожно в них заглянула и аж вздрогнула от неожиданности.

Вот ведь...

Кажется, я начинаю понимать, что за оборотень губил местные стада и заодно портил в окрестных селах незамужних девок. А еще то, почему ни одна из них на него не обиделась.

Это было словно озарение. Просто мимолетный шок. Его глаза завораживали, утягивали в какой-то янтарный водоворот, вот-вот грозя помутить разум и околдовать чувства...

Ух!

Даже не знала, что драконы на такое способны.

– Эй, ну ответь уже, а? – обиженно выпятил губу гость, и впрямь став до ужаса похожим на обыкновенного мальчишку. – Как тебя зовут?

Я тряхнула головой и пришла в себя.

– Яга. А тебя?

– Гор, – обезоруживающе улыбнулся этот негодяй. – Или Горий. Можно просто Горыныч.

– И сколько же тебе лет, Горыныч? – скептически его оглядев, поинтересовалась я.

Парень гордо выпятил грудь.

– Тридцать пять!

Но тут же охнул, скривился от боли и, зажав правой рукой больной бок, только сейчас заметил, что на него наложена тугая повязка. Потом опустил глаза и понял, что левая рука тоже аккуратно уложена в лубки, подвешена у груди и тщательно перемотана чистыми тряпицами.

– Ой... это ты меня?!

– Нет. Это не я тебя, – передразнила его я, окончательно приходя в себя. – Это, видать, королевская стража при виде тебя по-быстрому зарядила самую большую катапульти и пульнула в надежде сбить летающее чудище, пока оно бед не натворило. Ты пошло стада людям портил, а? Пошто людей без кормильцев оставил?!

Парень неожиданно смутился.

– Дык я... это... думал, они ничейные. Пастуха-то рядом не было. Там уже и волки понемногу подбиралась. А коровки такие вку-усные... обидно было бы, если они достались волкам, а не мне.

Он непроизвольно облизнулся и порыскал глазами по сторонам.

– Кстати, а у тебя поесть, случаем, ничего не найдется?

– Целое стадо коров? – словно не услышала я. – И ты съел их в одиночку? Всех?!

– Да какое стадо? – насупился Горыныч. – Там и было-то три жалких коровки на выгуле! Престарелых, тощих и увеч-

ных. Я их, можно сказать, от ужасной смерти спас. На небесные луга, в лучшую жизнь отправил.

– Хм, ладно, – слегка успокоилась я. – Старых и больных животных в общем стаде лучше не держать, это верно. А овец ты зачем съел?

– Да как же их было не съесть-то? – удивился Горыныч. – От отары несколько штук отбилось, в лесу заплутали, а потом и в овраг свалились, ноги себе переломали. Кому они такие нужны?

– Всего несколько штук?

– Ну да. Двух я съел сразу. Еще двоих на утро оставил. И, между прочим, они уже давно переварились, так что я был бы не прочь перекусить еще разок.

– Пастух сказал, что ты все поле кровищей улил. И оставил от коров только рога и копыта.

– Вот же врун, – поразился змей. – Какие копыта?! Я вообще-то коров целиком глотаю, если голодный. А когда сытый, то не трогаю. Так что это у пастуха надо спросить, куда он подевал остальное стадо. Может, кому продал втихаря или себе прибрал, а на меня свалил!

Хм.

Это что же, его величество, как всегда, преувеличил? И на самом деле не так уж страшен дракон, как казнокрады, лгуны и прочие негодяи, коих в его крохотном королевстве успело развестись немало?

– А насчет девок, которых ты, говорят, целыми пачка-

ми соблазняешь, тоже неправда? – снова спросила я, когда и этот момент прояснился.

– Правда, – неожиданно признался Горыныч, а потом снова неуловимо порозовел. – Девочек обольстил... признаю, грешен. Но они сами мне на шею вешаются. Стоит только в человеческом облике показаться, как тут же бегут и буквально с ног валят. Когда по одной, когда сразу по две... но я не жадный. Всех приласкал, никого не обидел. Да и кто бы на моем месте отказался?

Я прищурилась.

Ну если он выходил к ним в таком же виде, как сейчас, да еще и глазищами своими призывно сверкал, то я, пожалуй, готова поверить, что чары тут действительно ни при чем.

К слову, не стоит думать, что у деревенских есть какие-то предубеждения на этот счет. Да и знатные дамы недалеко от них ушли. По поводу тычинок-пестиков даже незамужние все прекрасно знают. А на день летнего солнцестояния какие только непотребства по кустам и спальням не творятся, так что насчет потерянной девичьей чести еще большой вопрос, была ли она вообще. Точно так же, как стоит справедливо усомниться в том, кто и кого там соблазнял.

Что же касается Горыныча...

Я окинула парня еще одним изучающим взором.

А он действительно хорош. Немного простоват, конечно, но надеюсь, это пройдет. А когда он осознает, что и впрямь способен привлекать к себе женщин, словно бабо-

чек на огонь, то спасения от него точно никому не будет. Всего год-другой, и мужики начнут за ним с вилами по всему королевству гоняться, тогда как бабы будут с томными вздохами вспоминать о волшебных ночах, которые подарил им этот обольстительный змей.

Горыныч, кстати, под моим внимательным взором нисколько не смутился. Нагота была для него привычной, но оборотни вообще к этому легко относятся. Да еще и созревают рано. А этот, судя по всему, уже дозрел, только пока не полностью осознал для чего.

– Слушай, а у тебя тут гостей кормить принято или как? – в третий раз с невинным видом поинтересовался этот бандит, за голову которого наверняка объявили приличную награду. – Я вообще-то голодный. Смена облика отнимает много сил, так что если ты меня немедленно не покормишь, я сожру... ну-у, к примеру, твоего кота.

– Ши-и-иш! – возмущенно выгнул спину на подоконнике Базилевс, а когда дракон выразительно оскалился, прыснул в сторону.

– Кота не тронь, – строго посмотрела на Горыныча я. – Обиду потом до конца твоих дней помнить будет.

Тот легкомысленно отмахнулся.

– Да какой от него может быть вред? Это всего лишь кот... Так ты покормишь меня или нет?

– Пойдем, – вздохнула я, отступая в сторону и протягивая ему чистые штаны и рубаху, которые приготовила еще с ве-

вчера. – Сперва покажу, что тут у меня и как, расскажу правила, а потом и за стол сядешь. Сам дойдешь или помочь?

– Конечно сам! – оскорбленно всхрипнул змей и весьма даже бодро уселся на постели. – Я, когда голодный, знаешь, какие подвиги готов совершить?!

Хм. Ладно. Похоже, в списке жизненных интересов еда у Горыныча стоит на первом месте. Пожалуй, мне стоит заpastись продуктами да побольше.

Пока он приводил себя в порядок в специально обустроенном закутке, я убрала из комнаты все следы крови, грязи и прочие признаки активного лечебного процесса. Затем выдула ветром скопившуюся в углах пыль, кое-что добавила, поправила и даже обновила. И лишь найдя помещение вполне пристойным для молодого мужчины, наконец-то вышла, по дороге шепнув насупленному Базилевсу, чтобы тот не дулся на нашего гостя.

На то, чтобы перечислить молодому змею правила совместного проживания, много времени не ушло. Да и несложно их было запомнить: в мою светелку без разрешения не входить, соблюдать предписанный режим, добросовестно принимать лекарства, к моим гостям – что пернатым, что мохнатым – относиться с уважением...

Правда, в какой-то момент мне показалось, что Горыныч кивает совершенно машинально. Просто потому, что голодное бурчание в брюхе волновало его гораздо больше, чем мои наставления.

– Эй, Яга! Да у тебя же стол-то совсем пустой! – с разочарованием воскликнул змей, когда выслушал меня, оделся и заявился в горницу, где стоял большой чистый стол. – Чем ты меня кормить собираешься?!

Я только усмехнулась. После чего подошла к печи, достала скатанную в рулон простую белую скатерку и, положив на стол, одним движением ее развернула.

– Угощайся, пожалуйста.

– Ну и?.. – заикнулся было Горыныч, однако сразу же осекся, потому что на скатерти, словно по волшебству, начали одно за другим возникать исходящие горячим паром блюда, котлы, супницы, тарелки, а следом за ними и несколько десятков пузатых бутылок. Рыба, мясо, овощи и фрукты... еды было столько, что целую армию накормить можно. Неудивительно, что глаза парня мгновенно разгорелись от восторга. – Ух ты-ы! Да ты, похоже, ведьма!

– Не ведьма, а ведунья лесная. Ешь, – строго велела я, отходя в сторону. – Набирайся сил. А я пока переоденусь.

Дракон, не дослушав, с рычанием вгрызся в исходящую паром куриную тушку и довольно заурчал, пачкаясь в горячем жиру и изредка шипя, когда тот попадал на кожу. Ел быстро, порой глотая куски, даже толком их не жуя, да и про салфетки совсем не вспомнил.

Видимо, хорошим манерам его никто не учил.

– Мяу, – сочувственно тронул меня лапкой за ногу Базилевс, когда я вышла в сени и, наскоро ополоснувшись, при-

нялась в задумчивости расчесывать волосы.

– Да, – со вздохом согласилась я. – Но что есть, то есть. Хотя, может, мы с тобой ошиблись, и вовсе не он – моя судьба?

– Мур-р?

– Нет, мой хороший. Торопиться с выводами не будем. К тому же драконы в наших краях – большая редкость. Когда еще представится случай его изучить?

Базилевс понятиливо отошел в уголок и тоже принялся активно умываться, пока я разбиралась с прической. А когда я закончила наводить марафет, вышла на крыльцо и выудила из воздуха старую потрепанную книгу, кот ловко вскарабкался по деревянной подставке и вместе со мной заглянул внутрь.

– Драконы... драконы... – пробормотала я, листая одну ветхую страницу за другой. – Когда же я про них слышала? А, вот!

Пробежавшись глазами по аккуратным, идеально ровно выписанным строчкам, я просмотрела нужные абзацы и с некоторым разочарованием отстранилась.

К сожалению, драконы в нашем мире были настолько редки и жили до того обособленно, что про них не только я – вообще почти никто и ничего толком не знал.

То, что они – исключительно магические создания, я и без того догадалась. В том, что на них не действует магия, тоже успела убедиться. Правда, в одной из сносок было указа-

но, что при определенных обстоятельствах некоторые... хотя и далеко не все... чары на них все-таки оказывают влияние, однако конкретики я нигде не нашла, и это было досадно.

Еще мне удалось выяснить, что драконы – не совсем оборотни, хотя облик менять действительно умеют. Каким образом это происходит, если масса дракона и масса человека несопоставимо различались, тоже было непонятно, однако коллеги склонялись к мысли, что это какая-то врожденная, свойственная только драконам разновидность пространственной магии. Поэтому-то они и облик меняли сравнительно легко, и от фазы луны не зависели, и обитали не только в человеческих городах, но и в пещерах, в том числе и в таких, куда по определению в зверином облике не должны были поместиться.

Ладно, с этим понятно.

Насчет того, что змей мне достался сравнительно молодой, я тоже сообразила, хотя никак не ожидала узнать, что настолько. Если верить книге, для некоторых видов крылатых и сто, и двести лет не являлись порогом зрелости. Насчет золотых там, правда, ничего не говорилось, но если считать, что золотые – совсем уж уникальный подвид, то сколько же мне тогда придется его ждать?!

– Мя, – синхронно вздохнул вместе со мной Базилевс.

Я погладила его по гладкой шерстке.

– Ничего. Справимся. И вообще, что-то там наш гость

притих. Пошли проверим, покуда он нас без жилища не оставил.

Глава 2

Когда я вернулась в дом, то прямо с порога обомлела: на большом столе, где еще недавно стояли целые горы еды, теперь остались лишь пустые тарелки да куча объедков, на фоне которых Горыныч торопливо дожевывал последний кусок.

– Офень вкусно, – помахал он мне наполовину обгрызенной костью. – А еще есть?

Базилевс шокированно мявкнул и, кажется, упал в обморок, а я вздрогнула и наконец отмерла.

– Ты что, не наелся?!

– Наелся, – довольно кивнул змей. – Слегка. Червячка заморил, так сказать. Но если у тебя в печи найдется еще что-нибудь, то я не откажусь.

Что?!

Я в некоторой панике уставилась на полуголового парня.

Это что же мне с ним делать-то? Да он за раз смолотил столько, что мне хватило бы отряд королевской стражи досыта накормить! Там только рыбы пять сортов было! Мяса столько, что лопнуть можно! Фруктов и овощей и вообще не счесть! А голодный змей умудрился один смести все со стола и еще заявил, что был бы не прочь перекусить снова!

И ведь вот что интересно – у этого проглота даже пузо не округлилось, хотя после такого количества съеденного он

должен был походить на переполненную бочку. Но нет. Я дважды проверила – живот у оборотня как был плоским, так и остался. По-видимому, змей не просто владел какой-то особенной магией, но еще и пространством внутри своего тела управлял так, что это казалось невероятным.

Мне даже захотелось проверить, насколько велико это самое пространство и сколько еще Горыныч способен съесть на халяву, поэтому я подошла, взялась за край скатерти-самобранки и одним движением скатала ее в рулон. Дракон при этом удивленно округлил глаза, обнаружив, что пустые котлы, тарелки и блюда благополучно спрятались внутри скатерти. А потом еще и рот разинул, когда я с такой же легкостью вновь ее развернула. И спустя всего пару мгновений все емкости, которые там были, опять оказались наполнены до краев.

– Угощайся, пожалуйста, – подчеркнуто спокойно произнесла я, отходя в сторону.

– Яга, ты чудо! – восторженно прошептал Горыныч и, предвкушающе оглядев раскинувшееся перед ним богатство, тут же потянулся за едой. – Кажется, я тебя люблю!

Я молча подняла с пола все еще обалдевшего кота, присела на стоящую у стены табуретку и принялась с интересом наблюдать за разохотившимся змеем.

Единственный минус скатерти-самобранки заключался в том, что всякий раз она выдавала лишь строго определенный набор блюд. Да, их было много, еда неизменно оказы-

валась свежей, но это всегда была одна и та же еда, поэтому спустя какое-то время я почти перестала пользоваться артефактом и предпочла готовить самостоятельно.

Однако Горыныча, как выяснилось, такие мелочи не смущали. Он с одинаковым удовольствием уплетал за обе щеки все, что только под руку попадалось. И блины, и тушеную говядину, и жаркое из свинины, и курицу, и утку, и перепелок, и салаты, и щуку, и судака... Змей, хоть и проглот, но оказался на редкость непривередливым. Да и к вину, насколько я видела, не притронулся. Правда, мясо он порой поглощал вместе с костями, отчего в комнате только хруст стоял. Зато в рыбе не ковырялся, лучшие куски не выбирал. Просто молотил все подряд, довольно мыча и радостно причмокивая. А я все так же молча за ним наблюдала, гадая про себя, сколько же все-таки влезет в этого обормота.

Как оказалось, я недооценила его способности, и содержимое скатерти без труда влезло в него во второй раз. Но тут уж меня разобрал настоящий азарт, поэтому, когда на столе остались лишь пустые тарелки, я повторила фокус со скатертью и с невинным видом предложила Горынычу угощаться снова.

Думала, что откажется, все-таки съел он ого-го сколько, но фигу – он только глянул на меня абсолютно счастливыми глазами и, пролепетав нечто невразумительное, охотно приступил к трапезе!

Правда, на этот раз ел уже неторопливо, впрок, наеда-

сь, как опытный зверь перед долгой зимовкой. И лишь после того, как скатерть наполовину опустела, змей наконец-то вспомнил, что он вообще-то тут не один.

– Спасибо, Яга, – запоздало сообразил он поблагодарить меня за заботу. – И за помощь, и за богатый стол. Честное слово, давно так вкусно не ел. Да и досыта, если честно, с прошлой зимы не наедался. Ты, кстати, замужем?

– Мя-а, – немедленно заворчал устроившийся у меня на коленях кот, а я тихонько фыркнула.

– С чего вдруг такие вопросы?

– Ну ты молодая, красивая, – на удивление рассудительно заметил змей, отставляя в сторону мешающийся кувшин и доставая из-за него блюдо с заморскими фруктами. – Живешь в собственном доме. Владеешь магией. Готовишь вкусно. Неужели у такой умницы-красавицы до сих пор нет достойного мужчины?

– А если бы был, то что? – прищурилась я, почесывая недовольного Базилевса за ушком.

– То я бы ему позавидовал.

– А если бы я сказала, что завидовать пока некому?

– Почему это некому? – удивился Горыныч, закинув в рот целую горсть винограда. – Ты что, мужчин не любишь?

Я притворно вздохнула.

– Люблю, но кто ж меня замуж-то позовет? Королям и императорам не пристало иметь такую партию, а простой люд меня боится. Как за помощью прийти, это еще можно, а вот

все остальное – увы.

Горыныч аж жевать от изумления перестал.

– Чего тебя бояться? Ты что, людей ешь? Может, младенцев по ночам воруеть?!

– Типун тебе на язык, – неуловимо нахмурилась я, а кот у меня в руках сердито встопорщил шерсть на загривке. – Сказала же: я – ведунья, а не ведьма. Гадостей никому не делаю, прочь никого не гоню. Наоборот, помогаю, если попросят. Людей и зверей лечу, лес оберегаю. А уж если обидят, то да, отомщу, но это будет за дело и непременно по справедливости.

Горыныч наклонил голову, продолжая с каким-то новым интересом изучать меня янтарными глазами.

– И как это выглядит на практике, если не секрет?

Я пожалала плечами.

– Ну вот, например, повадились в том году мужики в моем лесу деревья рубить. Лес-то тут заповедный, древний. Многие деревья я сама сажала и растила еще из семечек. Так что позволить их срубить лишь для того, чтобы растопить печь или приготовить еду, было бы кощунством. Они ведь живые, боль не хуже нас чувствуют и к тому же будут помудрее многих. Хотя и мужиков я тоже понять могу, им все-таки дома обогреть надо, а их жены должны кормить детей, поэтому для начала я их просто напугала, а потом отправилась во дворец к королю. Только и того, что хотела договориться и заранее указать, какие деревья можно рубить, а какие

трогать не следует. В лесу же и буреломы есть, и старые, уже больные, уставшие от жизни чащи. Всего-то и требовалось дорогу к ним указать, но это я взяла бы на себя.

Горыныч нетерпеливо поерзал.

– И что же король?

– Ну... его величество оказался не слишком сговорчивым, поэтому, когда я явилась во дворец, меня туда для начала не пустили. Стража на воротах была со мной крайне невежлива, поэтому большая ее часть до сих пор возмущенно квакает в королевском пруду.

Змей радостно хрюкнул.

– Внутри меня тоже встретили неласково, – продолжила я, не утерпев и утащив со стола небольшую красную ягоду. Вернее, слевитировав ее, чтобы не вставать и лишний раз не тревожить и без того насупленного кота. – Придворным не понравился мой внешний вид, а королевский камердинер даже сделал замечание по поводу моего сарафана... мол, так уже только деревенские простушки и замарашки-нищенки одеваются. Остальные над этим посмеялись. Поэтому теперь вместо придворных у его величества по дворцу шмыгают мыши, а на месте камердинера стоит замечательный соляной столбик. Что же касается самого короля...

Я засмотрелась в окно.

– Когда я вошла в его покои, он изволил на меня накричать. Якобы я помешала его обеденной трапезе. Причем его величество был до крайности груб и несдержан, поэтому

с тех пор он молчит. Очень, надо сказать, вежливо молчит и поневоле слушает собеседника. Тогда как его подданные, прежде чем войти в мой лес, теперь дань лешему оставляют, ходят исключительно там, где я разрешила, и рубят только те деревья, которые я пометила.

– А придворным ты нормальный облик-то потом вернула? – почему-то шепотом поинтересовался змей.

– Тех, кто поумнел и раскаялся, я уже через месяц освободила. А остальным придется побыть в шкуре мыши или лягушки еще два года.

– Мя, – одобрительно мяукнул Базилевс. Мол, так им и надо, дуралеям невоспитанным.

– Справедливо, – оценил мое решение Горыныч и неожиданно подмигнул. – Ничего, Яга. Негоже такой красотке одной оставаться. Хочешь, я помогу тебе найти жениха?

Я аж закашлялась.

– Нет, спасибо. Мне пока и одной неплохо.

– А что такого? – не понял Горыныч. – Ты – девушка видная, симпатичная, юная... к слову, а сколько тебе лет?

– Да немного. Всего-то без пяти годков двести, – не стала скромничать я.

– Ск-олько?! – поперхнулся змей и уставился на меня во все глаза. – Да ты... ты, получается, уже не девушка, а бабушка?!

Я снова фыркнула.

– Какая я тебе бабушка?

– Какая-какая... бабушка Яга... Ягуся, – вдруг прыснул Горыныч, а потом и в голос загоготал. – Ха-ха! Бабуся-Ягуся!

Я недобро прищурилась, а кот на моих руках тихонько зашипел.

Насмехаться? Надо мной? Да еще и столь непочтительно?

– Бабуся-Ягуся... ой, не могу... Ик! – неожиданно громко икнул дракон и тут же замер, словно его иголкой кольнули. – Как же это смешно... Ик! Ик! Ой!

Он охнул и схватился здоровой рукой за бок, в котором снова ощутимо кольнуло.

– В чем дело, соколик ты мой ясный? – участливо поинтересовалась я.

– Да, я просто... Ик! – снова вздрогнул Горыныч, а улыбка с его лица стремительно сползла. – Похоже, я малость обожрался, и теперь меня икота... Ик! Замучила!

Я безмятежно улыбнулась.

– А не надо было лишний раз тревожить раны. Теперь они будут болеть, пока не успокоишься.

– Это что, твоя работа?! – на удивление быстро сориентировался Горыныч. – Тогда ты точно ведьма... Ик! Ик! Да что ж это такое?!

– Перестань думать обо мне всякие гадости, и икота пройдет, – спокойно пообещала я. – А если извинишься, то я сниму и боль. Насовсем. Я не злопамятная.

Он в ответ лишь скривился и решительно встал.

– Еще не хватало. Настоящие мужчины пощады у женщи-

ны не просят!

– Уверен?

– Ик! – гордо икнул дракон и, задрвав подбородок, решительно потопал к выходу. – Никогда ни перед кем не извинялся и не буду! Вот!

Я только головой покачала и ничуть не удивилась, когда он на полпути неожиданно побледнел, закатил глаза и, пошатнувшись, грохнулся на пол.

Кажется, зелье все-таки выдохлось... к сожалению, раза в три быстрее, чем у обычного человека. Но упасть Горынычу я, конечно же, не позволила. Просто аккуратно подхватила его заклинанием и, постаравшись лишний раз не травмировать больные ребра, вернула обратно в постель.

Ничего. Подлечим, подлатаем, на ноги поставим. А там рано или поздно он образумится, потому что молодость, к счастью, это временный недостаток и, в отличие от глупости, когда-нибудь обязательно пройдет.

* * *

Поскольку я не поскупилась и напоила дракона не только обезболивающим, но и мощным снотворным зельем, то до вечера он благополучно проспал. А к тому времени, как я прибралась, приготовила ужин и, уже наученная опытом, терпеливо ожидала пробуждения змея, на улице громко скрипнула калитка.

– Хозяюшка Яга-а! – донесся снаружи зычный мужской голос.

Я выглянула в окно и удивилась.

Пифий, деревенский староста. Ему-то что от меня пондобилось?

– Исполать тебе, хозяйюшка Яга, – поклонился в пояс невысокий мужичок лет сорока с густой темной шевелюрой и хитро прищуренными глазками, едва я вышла на крыльцо. – Прости, что потревожил, но мы тут мимо проходили. Хотели еще раз поблагодарить тебя за Яра, охотника нашего, и спросить: не нужно ли тебе чего?

Мы? Интересно, кто это «мы»?

Я прищурилась, а потом заметила за деревьями несколько рослых мужских силуэтов с кольями и вилами наперевес и мысленно хмыкнула.

С тех пор, как я вылечила Пифия от зловредной болячки, он всегда старался быть со мной вежливым. И своих, когда старостой стал, к этому приучил. Но все же деревенские, даже если им что-то было нужно, старались держаться от моего дома подальше, тогда как Пифий единственный рискнул толкнуть калитку и смело вошел в огород.

– И тебе здравия, – кивнула ему я, отметив про себя, что к дому мужчина все-таки поостерегся приближаться. – Куда вы такой толпой направились? Да еще и с оружием? Надеюсь, не шкуру с Топтыгина снимать?

– Ты что, матушка? – замахал на меня руками староста. –

Как можно? Мы договор блюдем и в твоих лесах не охотимся, а тогда недоразумение просто вышло, за что Яр еще раз прощения просит и здоровьем тещи клянется, что это больше не повторится. Нет, матушка, просто давеча вечером наш сторожевой огонь в небе увидел. Говорит, звезда запылала и рухнула где-то неподалеку. Вот мы и решили проверить.

– И ты зашел спросить, не знаю ли я, где ее искать?

Пифий неловко ковырнул сапогом землю.

– Ну... я...

Я кивнула в сторону заходящего солнца.

– Вон туда ваша звезда улетела и за дальними деревьями рухнула.

– Благодарствую, хозяйюшка, – снова поклонился староста. – А ты это... про оборотня-то зловредного, что деревни окрест тревожить стал, ничего не слыхала?

– Слыхала, – кинула я. – Вчера только глашатай от короля приезжал.

– И что, матушка? Не попадался ли тебе ворог двуликий? Не знаешь, случайно, где искать злодея, который соседей наших разоряет?

Я пожала плечами.

– Ворог точно на глаза не попадался. И злодеев тоже пока не видала. А где искать... так сразу и не скажу. Надо посидеть, покумекать, у леса совета спросить.

– Говорят, давеча дракона над твоим лесом видели, – осторожно намекнул Пифий. – И вроде как чешуя у него зла-

том чистым горела.

Я только хмыкнула.

– Что, и у вас он уже успел наследить?

– Нет, – качнул головой мужичок. – У нас пока не обьявлялся. Но глашатай упомянул про оборотня и странные следы на полях, а недавно девки в поле заметили парящего в небе дракона. Так что, когда сторожевой поутру сказал, что огонь в небе увидел, я сразу подумал... может, то дракон-то и был?

– Может, и был, – согласилась я. – Проверьте. Там наверняка должна была просека остаться. И следы. Мимо точно не пройдете.

– Доброй тебе ночи, матушка Яга, – понятно попятился Пифий, толкнув тощим задом калитку, отчего та снова неприятно скрипнула. – Но если что, ты это... имей в виду, мы всегда рядом. Чем сможем, поможем.

Да какая от ваших вил польза против дракона? Еще разбудите его, в драку ввяжетесь, а мне потом вас всех лечить...

Когда староста, в третий раз поклонившись, все-таки ушел, я открыла заповедную тропу и, ненадолго заглянув на искалеченную Горынычем поляну, быстренько привела все в порядок. Деревья усадила на место, кусты вернула где были, траву, которая уже успела засохнуть, убрала с глаз долой, а поломанные ветки звери и птицы по моей просьбе по сторонам растащили, так что даже при очень большом желании никто не поймет, что недавно тут побывал дракон.

Когда же я вернулась обратно в свою избушку и зашла проверить раненого, то обнаружила, что сонное зелье тоже подозрительно быстро выдохлось, тогда как сам Горыныч не просто успел проснуться, причесаться и умыться, но и стоял посреди светелки, буравя меня подозрительным взглядом.

– Как бок? – с невозмутимым видом осведомилась я, мельком углядев спрятавшегося за печью Базилевса. Тот, разумеется, с гостя глаз не спускал, пока меня не было. Но следил тихо, незаметно. Чтобы дракон, не дай бог, не заметил. – Нигде не болит? Не ноет?

Дракон вместо ответа лишь хмуро осведомился:

– Почему ты ему не сказала?

– Не сказала о чем? – уточнила я, прикидывая про себя, как много змей успел увидеть и услышать.

– О том, что злодей, которого они ищут, прячется у тебя в доме?

Я внимательно на него посмотрела.

– Что? – неожиданно горько усмехнулся змей. – Думаешь, как догнать и натравить на меня этих полоумных крестьян?

– Нет. Думаю, как бы тебе ума-разума добавить, желательнее всего болезненным способом.

– Зачем?

– Ну хотя бы затем, чтобы ты перестал на меня напраслину возводить.

Горыныч непонимающе моргнул.

– Ты ни разу меня не обманул, – соизволила пояснить я, – тогда как глашатай, наоборот, слукавил. Король прекрасно знал, что в его землях появился дракон. Не мог не знать, если даже деревенские сообразили. Следы на земле, пропажа крупного рогатого скота, смена облика, глаза... не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что тут замешан не простой оборотень. А раз уж тебя куча народу опознала и при этом ты никого не убил, то все эти сказки про оборотня – так, для отвода глаз. Ну и для того, чтобы был повод содрать с тебя хотя бы одну золотую чешуйку. Думаю, вчера возле леса тебя уже ждали. Отряд рыцарей, как минимум один чародей и припрятанная в кустах катапульта в придачу. Выяснив, где ты чаще всего бываешь, они подстерegli тебя и, улучив момент, подстрелили. Тебе крупно повезло, что в этот момент ты, похоже, только начал снижаться и смог хотя бы частично погасить удар, подставив вместо крыла бок. А если бы у тебя не хватило сил убраться оттуда подальше или если бы крыло тебе повредили сразу, то тебя бы там с радостью и освежевали. Или скажешь, я неправa?

Горыныч не отвел глаз. Однако и радости в них совсем не прибавилось.

– Люди жадны, – неожиданно тихо сказал он, озвучив прекрасно известную мне истину. – Ради злата никого не пожалеют. Пойдут на любое преступление, солгут, предадут, оправдают убийство отца, брата, собственного ребенка или престарелых родителей... что уж говорить о чужих?

– Я не такая, – так же тихо ответила я, продолжая смотреть ему прямо в глаза.

Он постоял, подумал, а потом еще тише сказал:

– Спасибо.

После чего отвернулся, ушел обратно в светелку и до самой ночи носа оттуда не казал.

Больше мы на эту тему не разговаривали. Когда пришло время, я молча напоила его новой порцией зелий, на этот раз увеличив количество трав и сварив их так, чтобы хватило до утра. Горыныч так же молча выпил горькое лекарство и вскоре после этого снова заснул. Тогда как я, украдкой заглянув за занавеску и посмотрев на то, как он дышит, с грустью подумала, что именно из-за людей в последние годы количество волшебных существ в нашем мире существенно сократилось. Русалки, феи, говорящие звери... Пожалуй, только эльфийские леса да Кощеево царство пока еще оставались нетронутыми. Ну и гномы, отправившиеся покорять подземные недра, до поры до времени не представляли для смертных особого интереса.

А вот драконы исчезли из поля зрения одними из первых. И не без причин. Их когти, чешуя, сердце и прочие органы считались ценными ингредиентами для всевозможных алхимических опытов. Истолченные зубы ценились на вес золота, что уж говорить о чешуе, богатой природными металлами. Причем добыть такую чешую у еще живого дракона считалось вдвойне почетным, нежели просто снять с мертвого.

Поэтому драконы и ушли. В какой-то иной мир, в другую реальность или просто в далекие неприступные горы... кто знает? Когда они покидали наши края, меня еще и на свете-то не было. Потом о них долгое время никто и ничего не слышал. В последние десятилетия даже забывать потихоньку начали. И вот один из них вернулся...

Зачем?

Пока не знаю, но не думаю, что из праздного любопытства. Скорее всего, что-то случилось, причем наверняка плохое, иначе не смотрел бы на меня Горыныч с такой тоской.

Впрочем, и без того было ясно, что ни одного из тех преступлений, которые ему приписывали, он не совершал. Мы, ведуньи, такие вещи нутром чуем, поэтому я с самого начала знала, что передо мной не злодей, не насильник и не душегуб. Более того, сегодня он действительно сказал мне сущую правду.

А значит, и я его не выдам. Не предам. И что бы ни случилось, не позволю уничтожить представителя уникального вида, даже если он в прямом смысле свалился мне на голову.

Глава 3

Ночью меня разбудил подозрительный шум у двери, громкое шипение Базилевса и доносящийся снаружи робкий голос Горыныча.

– Яга... Яга-а, ты спишь?

– Сплю, – пробурчала я, поворачиваясь на бок. Вчера перед трапезой я дракону комнату свою показала и сразу предупредила, чтобы без разрешения не совался, не то бывало... всякое. И далеко не все мои гости вели себя прилично, за что, естественно, бывали жестоко наказаны.

– Яга-а, – снова тихонько поскребся в дверь Горыныч. – Ну Яга, ну проснись! Я есть хочу!

– Что?! – воскликнула я, аж подпрыгнув на кровати от возмущения, а Базилевс согласно заворчал. – Я тебе вчера стол накрытый оставила! А в печи целых два горшка с кашей стоят!

– Кашу я уже съел, – виновато признался змей. – И все равно кушать хочу, да так, что уже живот сводит.

– Тогда возьми скатерть-самобранку.

– Она не открывается. Вернее, открывается, но еды на ней нет.

– А потому что слово волшебное сперва сказать надобно.

– Какое еще слово?

– Пожалуйста! – потеряв всякое терпение, рывкнула я.

Дракон посопел, помолчал, потоптался, явно не поверив, что все было так просто, но потом все-таки отошел, и какое-то время за дверью что-то шебуршилось, скреблось, подозрительно хрустело, шуршало и звякало. Правда, длилось это недолго, после чего Горыныч так же подозрительно затих. Ну а поскольку этот проглот все равно меня уже разбудил, да еще и насчет зелий я по-прежнему была не уверена, то вскоре не выдержала – откинула в сторону одеяло и под неодобрительное урчание кота прошлепала босыми ногами к двери.

Аккуратно отодвинув засов и приоткрыв тяжелую дубовую створку, я осторожно выглянула в гостевую комнату и чуть не прыснула при виде открывшейся мне картины: за накрытым столом, до отказа уставленном всевозможными яствами, самым бессовестным образом дрых Горыныч. Причем дрых он лицом в тарелке. По-видимому, я действительно не угадала с дозой, поэтому усиление эффекта проявилось не сразу – сперва дракон проснулся (вероятно, от голода). Ну а когда он умял примерно половину содержимого самобранки, его снова сморило, и бедняга уснул прямо там, где сидел. У него изо рта даже пучок петрушки еще торчал, колыхаясь при каждом вдохе. И в целом это выглядело настолько умерительно, что я сперва вдосталь им налюбовалась и только потом применила заклинание левитации.

Уже в светелке, уложив парня на подушки, я вынула у него изо рта петрушку и стерла со щеки остатки салата. После че-

го решила проверить рану на груди и принялась осторожно разматывать повязку.

– Яга, ты что делаешь? – сонно пробормотал Горыныч, когда я осторожно ощупала ребра в том месте, куда пришелся основной удар.

– Спать-почивать тебя укладываю.

– Да? А песенку на ночь споешь? – так же сонно поинтересовался змей.

Я фыркнула.

– Еще не хватало.

– Ну тогда хотя бы сказку расскажи...

– Щас я тебе как дам по лбу вместо сказки! Хочешь?

– Хр-р-р... – торопливо изобразил крепкий сон дракон, после чего попытался перевернуться на бок и забавно наморщил нос, когда я придержала его за плечо.

– Подожди, сперва мазью намажу, заживать лучше будет.

Горыныч согласно угукнул. Я, успокоившись, ушла за лекарством, а когда вернулась, то обнаружила, что он все-таки успел перевернуться на пузо и, скинув одеяло на пол, благополучно засопел носом в подушку. Причем на этот раз, похоже, по-настоящему. По крайней мере, на оклик он не отозвался и не пошевелился, когда я безуспешно попыталась его перевернуть.

Я постояла-подумала, но потом все же решила его не тревожить. Говорят, драконы живучие, запас сил у них должен быть огромным, так что если Горыныч уже на второй день

счел возможным преспокойно уснуть на животе, значит, ничего страшного не случится, если я намажу его не сейчас, а с утра.

С тем я и ушла, предварительно укрыв его одеялом. Ну а утром, едва спустив ноги на пол, первым же делом наткнулась на что-то мягкое, живое, подозрительно теплое и испуганно отдернула ноги.

– Ой!

– Уй! – отозвался тот, на кого я едва не наступила.

– Ш-ш-ш! – раздраженно прошипел с подоконника потревоженный нашими возгласами Базилевс, когда я осторожно глянула вниз и во второй раз за последние дни обомлела, обнаружив лежащего на полу пузом кверху Горыныча, на лице которого застыло престранное выражение.

– Ты что тут делаешь? – чуть не растерялась я, встретив его сонный и не на шутку озадаченный взгляд.

Дракон покрутил головой.

– Кажется... э-э... сплю?

– А зачем ты здесь спишь? – опасно тихо переспросила я и, глянув на зачарованную дверь, незаметно скривилась.

Тьфу. Похоже, я забыла вернуть на место засов, как и о том, что прямые чары на змея не действуют, поэтому его ни молнией не шарашнуло, ни в ледяную глыбу не обратило, когда он сунулся в комнату. Обычно моей магии хватало, чтобы отбить у непрошенных ухажеров охоту рваться по ночам. Однако с драконом вышла промашка, и теперь он лежал

на полу, тараша на меня круглые от удивления глаза и тщетно пытаюсь придумать что-нибудь в свое оправдание.

Заподозрив его в самом худшем, я сузила глаза и, создав в руке небольшую молнию, отдельно произнесла:

– Пошел. Вон.

Одновременно вокруг меня закрутился холодный смерч, с пола неумолимо начал взлетать тяжелый ковер, занавески на окнах взметнулись до потолка, мои распущенные до пят волосы тоже начали угрожающе приподниматься, а Базилевс с воплем вцепился когтями в подоконник, чтобы его оттуда ветром не унесло.

Горыныч, совершенно правильно расценив зверское выражение на моем лице, молниеносно подхватился и буквально вылетел в коридор, умудрившись захлопнуть дверь до того, как я расвирепела окончательно. И это было очень правильное решение: если бы он промедлил хотя бы мгновение, то получил бы не только молнию в бок, но и сундуком по кумполу. Быть может, даже не один раз.

Правда, на его счастье, отходила я действительно быстро, поэтому к тому времени, как я успокоилась, оделась, заплела косу и вышла из комнаты, убивать мне уже никого не хотелось. А когда я увидела его за столом – все еще встрепанного и откровенно напуганного, то окончательно поняла, что напрасно вспылила. Горыныч, хоть и шалопай, на мою девичью честь точно не рискнул бы покушаться. Типаж не тот. Так что, похоже, он не солгал и в этот раз, а в моей комнате дей-

ствительно просто спал. Почему – вопрос уже другой. Но теперь-то я ясно видела, что ему и самому было не по себе.

– Яга, прости, – виновато начал Горыныч, едва я вошла и хмуро оглядела не убранный с ночи стол. – Сам не знаю, что случилось, но вот притянуло что-то...

Я подняла руку, знаком велев ему умолкнуть.

Рубашку на этот раз змей не надел, бинты я вчера сама на нем размотала, поэтому сейчас мне было прекрасно видно, что за прошедшую ночь рана на его боку волшебным образом рассосалась. Ни синяка, ни царапины... даже мазать было уже нечего. Руку, правда, он все еще берег, лубки тоже снять на рискнул, да и ребра наверняка пару-тройку дней еще будут о себе напоминать.

– Яга, я... – снова попытался оправдаться змей.

– Помолчи.

– Но я же...

– Помолчи, кому сказала! И радуйся, что моя магия действует на тебя так ограниченно. Что ты почувствовал, когда проснулся?

У Горыныча на лбу вдруг выступила испарина.

– С-сам не понял. Я даже не помню, когда и зачем к тебе пришел.

– А как ночью со мной разговаривал, помнишь? – испытующе посмотрела на него я.

Он на мгновение задумался.

– Как скатерть доставал – помню. Как ел – тоже помню.

А вот потом... потом ничего, – пролепетал он. – Яга, это очень плохо?!

– Пока не знаю. Если видений и бреда не было, то вряд ли это какая-то болезнь. Но надо за тобой понаблюдать повнимательнее.

– Наблюдай, – с невероятным облегчением выдохнул дракон. – Я согласен торчать у тебя на виду столько времени, сколько понадобится. Утром, днем и вечером. И вообще всегда. Кстати, а мы есть сегодня будем?

Я мысленно вздохнула.

– Будем. Но сперва подойди. Мне нужно тебя осмотреть.

Горыныч безропотно поднялся и подставил больной бок, который я осторожно изучила, а потом и ощупала. Змей в ответ на прикосновения то мычал, то сопел, то откровенно напрягался, особенно когда я нажала посильнее в попытке понять, насколько там все хорошо зажило. Однажды он даже дернулся, да так рьяно, что я едва не решила, будто поспешила с выводами. Но почти сразу оборотень подозрительно хрюкнул, заизвивался у меня под руками и наконец в голос взмолился:

– А-а... ы-ы-ы... Яга, ну хватит! Прекрати! Щекотно же! Вот жук!

Я фыркнула и оставила его в покое.

Не нужна ему больше никакая мазь. Само зажило, как на... драконе.

– Теперь руку покажи!

– Не покажу! – неожиданно уперся Горыныч. – Она еще плохо двигается. Вот, видишь?

Он помахал у меня перед носом уложенным в лубки, подвешенным на тряпице предплечьем, демонстративно попытался скрутить из пальцев фигу, но тут же скривился и пожаловался:

– Бо-ольно.

Я еще немного подумала, однако решила лубки с него до завтра не снимать. Все же перелом был сложный, да в нескольких местах. Поэтому пусть еще немного походит. Но уж завтра он у меня точно не отвертится.

Оставив дракона в покое, я вернулась к столу и, свернув полупустую скатерть, снова ее развернула.

– Пожалуйста.

Самобранка мгновенно преобразилась, блюда, тарелки и котлы моментально наполнились до краев, а у Горыныча уже который раз при виде такого изобилия вырвался восхищенный вздох.

Однако на этот раз я не стала смотреть, как он жадно поглощает пищу, а вместо этого просто развернулась и вышла – у меня и без него хватало дел. Пока Горыныч ел, я успела умыться-причесаться, перекусить орехами и ягодами, которые принесли поутру птицы, накормить Базилевса и даже проведать сушильню, где доходили до нужной кондиции собранные несколько дней назад травы. Затем наведалась к колодцу, набрав ведро свежей воды. А когда развернулась, то

чуть не выронила его от неожиданности – на меня в упор смотрел неслышно подкравшийся Горыныч.

– С добрым утром, Яга!

– Тьфу на тебя! – в сердцах ругнулась я, с трудом успокоив бешено колотящееся сердце. – Напугал, демон желтоглазый!

– Вот уж не знал, что ты такая пугливая, – усмехнулся оборотень, даже не подумав извиниться.

– В следующий раз в жабу тебя превращу, – пригрозила я. – Будешь знать, как доводить бедную девушку до паники!

– Как же ты меня обратишь? Твоя магия на меня не действует.

– Почти не действует, – поправила змея я. – И я не советовала бы тебе проверять, в чем именно она по-прежнему эффективна.

Обойдя его по дуге, я сердито протопала обратно к сараю – старые травы надо было собрать, а новые промыть и повесить сушиться. Вот только на этот раз спокойно поработать мне не удалось, потому что Горыныч зачем-то увязался следом и то и дело меня отвлекал.

– А это что?

– А вон то тебе зачем?

– А почему ты связала вот те травы пучком, а эти – кошечкой?..

Честное слово, я сперва решила, что он надо мной издевается, поэтому поначалу только отмахивалась.

Ну зачем, скажите на милость, дракону знать про мои травы и снадобья? Да еще в таких подробностях?!

Однако Горыныч не отставал и на протяжении нескольких часов настойчиво интересовался всем подряд, а когда я без особой охоты начала рассказывать, он на удивление внимательно меня выслушал, чему-то покивал, а потом принялся задавать новые вопросы.

– А вот эту травку я знаю! – неожиданно воскликнул он, когда я достала из темного угла очередной невзрачный на вид засушенный цветок. – Это цвет папоротника! Очень редкий вид. Он раны излечивает, но собирать его можно только в первую неделю после полнолуния, иначе силу теряет!

Я с интересом покосилась на дракона.

Не ожидала от него таких познаний. Белый папоротник даже в наших краях – огромная редкость, а уж в горах его тем более не сыскать. Да и в руки он дается далеко не каждому.

Интересно, откуда Горыныч про него узнал?

– Слушай, Яга, а давай сегодня ночью сходим и поищем? – вдруг азартно сверкнул глазами Горыныч. – Полнолуние было два дня назад. Сроки еще позволяют. Давай, а?

Я хмыкнула.

– Ну я-то по-любому пойду. Цвет папоротника можно собирать всего одну неделю в году, а у меня запасы как раз подошли к концу. Но тебе-то он зачем?

– Как это зачем? – возмутился Горыныч. – А если меня

снова ранят? А если я крыло сломаю? Говорят, цвет папоротника творит настоящие чудеса. И на нас, драконов, действует лучше всего.

Это точно. Я на тебя почти весь его и извела. Только один цветочек остался.

– Яга, ну пойдем, – заныл змей. – Это же такое приключение! Я в жизни цветущий папоротник не видел. Ну возьми меня с собой! Ну пожа-а-алуйста!

– Ладно, уговорил, – усмехнулась я. – Как начнет смеркаться, так и пойдем. Только чур уговор – меня во всем слушаться и без разрешения никуда не лезть.

– Я сделаю все, что скажешь, – клятвенно пообещал Горыныч. И тут же стрельнул глазами в сторону избушки. – А мы обедать скоро будем?

– Ты же только что ел!

– Да когда это было? – отмахнулся змей. – И вообще, к дороге надо готовиться заранее, а для этого перво-наперво нужно как следует подкрепиться.

* * *

Искать папоротников цвет мы отправились сразу, как только солнце начало клониться к горизонту. И само собой, все время до вечера Горыныч старательно готовился.

В смысле ел. Причем так активно, что какой-то момент Базилевс снова впал в ступор, а я всерьез заопасалась, что

наш необычный гость или с лавки не поднимется, или же истощит заряд уникального артефакта.

Однако самобранка сдюжила. Накормила-таки прожорливого дракона досыта. Тогда как сам дракон, едва я сообщила, что нам пора, на удивление бодро вскочил из-за стола и, торопливо засунув в рот последний блин, отрапортовал:

– Я готов!

Базилевса я на этот раз оставила дома – присматривать за поляной и следить за хозяйством. Пусть дракона он сам же мне и нагадал, однако по факту оказалось, что мой суженый ему по душе не пришелся. Так что я решила – пусть какое-то время они побудут порознь, тем более что за драконом следовало понаблюдать.

Как это ни странно, однако ходить по лесу Горыныч совершенно не умел. Вел себя как дикарь – постоянно шумел, сопел, пыхтел, громко топал, постоянно ворчал на выданные лапти и на то, что в них ему неудобно ходить. А на заповедной тропе змей так активно крутил головой, что я мысленно гадала, когда же она отвалится.

Сама тропа ничего особенного собой не представляла – просто узенькая дорожка в лесу, которую с двух сторон огораживали полупрозрачные стены. Если хорошенько приглядеться, то снаружи можно было рассмотреть смазанные силуэты деревьев, однако мелькали они настолько быстро, что чаще всего сливались в одну широкую полосу.

– Поразительно! – воскликнул Горыныч, опасно близко

подойдя к краю тропки и всмотревшись в причудливо пере-
ливающуюся стену. – Какая красивая...

– Гор, не отставай.

– Она словно живая, – завороченно пробормотал змей
в ответ, заставив меня беспокойно обернуться. – И даже
как будто дышит?

– Горыны-ы-ч! Не стой на месте, на заповедных тропах
нельзя задерживаться.

– А еще сверкает, как первый снег. Можно ее потрогать...
Ай! Яга, ты чего дерешься?!

– Я кому сказала, чтобы ты никуда не лез? Хочешь
без пальцев остаться?! – рыкнула я, отводя в сторону длин-
ную тонкую хворостину.

– Нет, ну а что такого-то?! – возмутился он.

– Да ничего. Сунешься туда еще раз – отрежет тебе руки
к Кощеевой бабушке, и заново они потом даже у дракона
не отрастут!

– Что, правда?! – округлил глаза змей.

Я вместо ответа шлепнула его по упорно тянущейся к сте-
не руке и, дернув за рукав, оттащила в сторону.

– А ну кыш отсюда! Первым теперь пойдешь. Так, чтобы
я видела.

– Что, сразу нельзя было сказать? – засопел Горыныч, оби-
женно выпятив нижнюю губу.

– Я тебе еще дома сказала: вперед меня на тропе
НЕ ЛЕЗТЬ! Что в этом было непонятного?! Или до тебя

с первого раза не доходит? По сто раз повторять надо?!

– Злая ты, – буркнул Горыныч, отворачиваясь и послушно топая по тропинке дальше. – Фу, какая злая и сердитая!

А потом совсем тихо проворчал:

– Бабуся Ягуся...

– Что ты сказал?

– Ик! – вместо ответа на удивление громко икнул змей. – Точно бабуся. Только бабульки бывают такими вредными... старые и страшные бабульки-Ягуськи... Ик! Эй, ну сколько можно?! Как тебе не стыдно использовать на мне магию?!

Я для верности подтолкнула его в спину.

– Сам виноват. Я ведь предупреждала, чтобы ты не говорил обо мне всякие гадости.

– Я и не говорил. Только подумал...

– Ну вот и икай теперь. Благо ребра уже зажили, и это совсем не больно.

– Да?! – возмутился Горыныч, на мгновение обернувшись. – Тебе легко говорить... ик! А мне, между прочим, неприятно!

– Мне тоже. Но тебя это не останавливает, правда?

– Ик! – негодуяще икнул парень и шумно раздул ноздри. – Ну почему ты такая гадкая, а? Ты... ик! Это вообще на мне работать не должно!

Я негромко фыркнула.

– Но работает же. Так что теперь я буду точно знать, когда ты подумаешь обо мне плохо.

Горыныч резким движением отвернулся и ускорил шаг, продолжая что-то бурчать себе под нос и время от времени оглашая заповедную тропу возмущенным иканием. Другой на его месте, пожалуй, развернулся бы и ушел. Может, замкнулся или же, наоборот, проклял меня, а то и осыпал кучей совсем уж скверных ругательств. А этот не отказался, не передумал и по-прежнему шел только вперед.

Забавно, да?

– Стой, – скомандовала я, заведев впереди небольшой просвет. – Пришли. Теперь я первой пойду.

Горыныч, посопев для приличия, отступил в сторону и озадаченно замер, когда я махнула рукой и казавшаяся бесконечной тропа внезапно закончилась. Просто р-раз, и стены вокруг нас рухнули, а мы вместо извиистой, тянущейся далеко вперед тропинки оказались на краю огромной поляны, которая от края до края была засажена густым папоротником. Тут и там на ней мелькали головки на удивление крупных лесных колокольчиков, по периметру виднелись более мелкие лесные цветы всех оттенков и размеров. Еще чуть дальше поляна была отгорожена от остального пространства колючими кустами. А уже за ними находилось большое, широкое и очень непростое болото, населенное не самыми приятными созданиями, но Горынычу об этом знать было совершенно необязательно.

– А... это как мы? – опешил змей, снова закрутив головой по сторонам. – Куда все подевалось? Где лес? И деревья?

И тропа?!

Я строго на него посмотрела.

– Стой здесь. И чтоб ни шагу в сторону. Понял?

– Понял, – послушно кивнул Горыныч, от растерянности позабыв даже икнуть.

Я смерила его изучающим взглядом, а когда змей для верности активно закивал и знаками подтвердил, что будет меня во всем слушаться, сняла с плеча дорожную сумку, бросила в траву рядом с ним, после чего медленно отошла в самый центр поляны и запрокинула голову.

Небеса надо мной тут же разошлись, выпуская на свободу проказницу-луну. Ее мягкий желтоватый свет тут же искупал меня в чудесном сиянии, и вот тогда я со всей ясностью поняла: пора.

Сложность заключалась в том, что волшебный цвет не растет абы где и тем более сам по себе ни за что не зацветет. Его сперва следовало пробудить, попросить открыться. Но далеко не каждый это сумеет.

Я же эту поляну сама когда-то создала и даже, можно сказать, вырастила. Я знала здесь каждый куст, каждую травинку. Все в этом месте было пропитано моей силой. И именно здесь я, как нигде, чувствовала себя всемогущей, свободной, но при этом хорошо помнила, кто я и как такой стала, а также испытывала чувство безграничной благодарности за тот дар, что мне достался от здешних лесов.

Раскинув в стороны руки, я прикрыла глаза и, закружив-

шись в медленном танце, тихо-тихо запела древнюю песнь, знаменующую собой единение всего живого. Запела для всего, что здесь росло, жило и цвело. Для деревьев, кустов, травы, цветов... для всей этой земли, включая всех, кто на ней жил и кто просто заглянул в гости.

В каком-то смысле песня помогала мне их почувствовать и услышать, а им, в свою очередь, позволяла ко мне прикоснуться. Не телом, нет – душой. Ведь когда чьи-то души соединяются, это и есть настоящее чудо.

И сегодня я ощутила это чудо: лес откликнулся. Мы действительно стали едины. Я стала им. А он – мной. Буквально на мгновение, на один-единственный удар неожиданно екнувшего сердца, но и этого хватило, чтобы я тихо выдохнула и ощутила, что в этом мире я больше не одна.

Одновременно с этим вокруг меня зашевелилось зеленое море.

Многочисленные папоротники приподняли свои ветки и дружно зашелестели. По поляне словно невидимый ветерок пронесся, после чего мои веки опалило яркое сияние, а следом за этим в моей душе задрожала и запела невидимая струна.

Открыв глаза и увидев, как вся поляна, словно по волшебству, раскрасилась многочисленными белоснежными цветами, я мягко улыбнулась.

Папоротников цвет... символ искренности, чистоты, невинности и любви. Каждый куст, который я сегодня про-

будила, поделился со мной самым дорогим и сокровенным. Каждая веточка, которой я подарила часть своей силы, ответила мне сегодня тем же.

Не зря это место считалось заповедным. Здесь очищались души, вспыхивали сердца, исполнялись самые заветные желания и именно здесь, как нигде, можно было увидеть себя со стороны.

Я медленно обернулась и искоса взглянула на остолбеневшего змея.

Горыныч стоял не дыша и смотрел на меня, будто замороженный. В его янтарных глазах, словно сотни крохотных светлячков, горели отсветы папоротникового цвета. На вытянувшемся лице застыло шокированное выражение. Он выглядел как громом пораженным и, судя по всему, видел перед собой нечто такое, о чем раньше даже не подозревал.

– Горыныч... – тихо позвала я. – Горыныч, очнись!

Змей вздрогнул и ошеломленно моргнул.

– А?! Что?! Где?!

– Подай мне суму.

– Какую еще... а, да. Сейчас!

Тряхнув головой в попытке прогнать навеянное мною наваждение, он наклонился и, подхватив с земли сумку, ловко ее бросил.

Я кивнула, перехватив ее на лету. Еще раз предупредила змея, чтобы не вздумал двигаться, после чего достала из сумы большое, искусно вышитое полотенце.

Разбудить папоротников цвет – это еще полдела. Теперь его нужно было правильно собрать.

Проведя кончиками пальцев по ближайшей ветке, я выпустила на волю еще одну волну магии и снова медленно закружилась по поляне. Глаза на этот раз закрывать не стала, поэтому прекрасно видела, как с моих пальцев срываются тонкие белые нити и, легонько касаясь таких же белоснежных цветов, буквально снимают их с тоненьких стебельков, а затем поднимают в воздух, закручивают в величественном водовороте и так же медленно, до крайности бережно опускают на заранее приготовленное полотенце.

Я почти год его вышивала, любовно создавая на тонкой ткани узор из того самого папоротника, который сейчас так щедро меня одаривал. Но иначе не бывает – чтобы получить что-то, сперва следует что-то отдать. Порой даже чем-то пожертвовать: силами, временем или магией. Только тогда можно рассчитывать на ответную искренность.

Когда на полотенце аккуратно улегся последний цветок, весь свет с волшебной поляны собрался на моем полотенце. При этом цветы не потеряли ни силы, ни вложенной в них магии, ни своего мягкого сияния.

– Благодарствую, – с почтением поклонилась я поляне и почти сразу услышала в ответ вздох облегчения. Ветви папоротника дружно дрогнули, затем так же дружно опустились, а я почувствовала, что благодетельствовавшая меня поляна неумолимо погружается в сон, чтобы ровно через год

снова проснуться и, прочитав мою душу, подарить миру еще один кусочек древнего волшебства.

– Что это было? – пораженно прошептал Горыныч, когда я аккуратно свернула полотенце и, убрав его в суму, вышла с поляны. – Яга, что ты такое сейчас сотворила?!

Я мягко улыбнулась, вешая суму себе на плечо, а потом махнула рукой, открывая еще одну заповедную тропу.

– Обычная женская магия. Не бери в голову. А теперь нам пора возвращаться. Ты ведь не откажешься еще разок перекусить?

– Еда! – обрадованно вскинулся змей при виде замаячившего перед ним знакомого дома. – Вот на что я всегда согласен, так это вкусно поесть!

Я только хмыкнула, когда он ринулся с поляны, торопясь, как на пожар. А потом спокойным шагом направилась следом, ничуть не сомневаясь, что еда отвлечет Горыныча от увиденного и поможет не думать о вещах, о которых ему до поры до времени знать не положено.

Глава 4

Остаток ночи прошел спокойно. Меня никто не будил, не выпрашивал еду и не тревожил глупыми вопросами. Правда, это была заслуга вовсе не Горыныча, а заклинания тишины и тяжелого засова, который я предусмотрительно задвинула в пазы перед сном.

Открыв поутру дверь и выглянув из спальни, я тихонько хмыкнула, обнаружив наполовину разоренную самобранку и дрыхнущего на полу змея: Горыныч лежал на боку, подложив под щеку ладошку и поджав под себя ноги. Такой смиренный, молчаливый... просто душка.

Самое интересное, что ни подушки, ни одеяла он с собой не прихватил и даже циновку вниз подстелить не догадался. Создавалось впечатление, он что опять бродил во сне, но, не сумев войти в мою комнату, свернулся калачиком прямо на пороге и теперь сладко сопел, время от времени потирая друг о друга озябшие стопы.

– Не надо, – тихо сказала я, когда выбравшийся следом за мной кот кровожадно оскалился и потянулся к дракону с явным намерением полоснуть его когтями по голой пятке. – Пускай спит.

– Ш-ш-шр-р, – сердито фыркнул Базилевс, но все же не стал будить оборотня таким зверским способом, а просто ловко через него перепрыгнул и с достоинством удалился,

помахивая пушистым хвостом.

Я тоже аккуратно перебралась через спящего дракона и, потаскав со стола всяких вкусностей, тихонько выбралась из дома. Надо было папоротников цвет разобрать, рассортировать и отнести в сушильню. Заодно грядки обиходить. От сорняков избавиться. Потом в лес за травами сходить...

Неожиданно на земле прямо у меня на глазах образовалась небольшая черная лужица, а в ней откуда ни возьмись возник и заколыхался на крохотных волнах небольшой золотистый листочек.

Та-а-ак...

Кажется, за травами я сегодня не пойду. А вот к Черному озеру следовало наведаться как можно скорее. Похоже, у озерной владычицы что-то стряслось, иначе она не позвала бы меня на помощь.

– Мяу? – вопросительно мяукнул вынырнувший, будто из воздуха, Базилевс.

– Нет, мой хороший. Ты пока нужен мне здесь, – отказалась я от его помощи и без промедления открыла заповедную тропу.

– Яга-а-а! – нагнал меня прямо на входе встревоженный вопль. – Яга, погоди! Я с тобой!

Я с неудовольствием обернулась и уставилась на мчащегося от дома Горыныча вместе с таким же недовольным котом.

Вот чего ему не спалось, спрашивается? Лежал бы себе и лежал, мечтал, понимаешь, о горячем обеде... так нет же,

подхватился и теперь неся босиком по траве, словно его в мягкое место ужалили.

– Яга! – выдохнул змей, когда мы поравнялись. – Уф! Успел. Ты почему без меня ушла?

Я удивленно вскинула брови.

– С чего бы мне спрашивать у тебя разрешение? Это мой лес, не забыл?

– Нет, просто... ты же хотела за мной понаблюдать, – на удивление быстро нашелся с ответом змей. – Сказала, что я должен быть на виду. А как ты будешь за мной смотреть, если оставишь здесь одного?

Я демонстративного его оглядела: встрепанный, полуголый, босой, с висящей на перевязи левой рукой...

– А как же завтрак? Неужто даже не перекусишь?

Горыныч откровенно заколебался.

– А ты меня подождешь?

– Нет.

– Тогда, может, я очень-очень быстро сбегая, что-нибудь в рот засуну и сразу же вернусь?

– Нет.

Оборотень насупился, но потом подумал и упрямо тряхнул головой.

– Ну и ладно. Потерплю до обеда.

Я вздохнула.

Вот не надо бы ему идти на Черное озеро. Мой лес не любит незваных гостей, да и в остальном далеко не так без-

обиден, как кажется. Просто так по нему не прогуляешься, лишний раз по звериной тропке не пройдешь. Над ним даже птица не всякая может пролететь без последствий. Тогда как здесь, под присмотром Базилевса, моим гостям ничего не грозит.

Впрочем, решать за Горыныча я не буду. Небось не маленький, сам должен соображать, что к чему.

– Ладно, пойдем. Только рубашку на себя накинь и лапти из сеней прихвати. В них складнее будет.

– А я холода не боюсь, – горделиво приосанился Горыныч. – Мы, драконы, в принципе не мерзнем. А лапти носят только дети и старики. Настоящие мужчины ходят в сапогах... ну или без них, – поторопился добавить он, наткнувшись на мой скептический взгляд. – Без них даже удобнее. Ага.

– Ну-ну, – не стала спорить я и, обменявшись напоследок с котом выразительным взглядом, первой ступила на заповедную тропу. – Не отставай.

Горыныч заторопился следом и, как ни странно, на этот раз глупостей не наделал. Руки никуда не совал, любопытный нос тоже. Да и тропу я сегодня открыла короткую, так, чтобы р-раз – и уже на месте, поэтому мы всего несколько шагов по ней прошли и тут же оказались на берегу большого лесного озера, кромку которого окаймляли густые кусты, рваные клочья неизменно клубящегося над водой тумана и растянувшиеся вдоль берега круглые серые валуны.

Несмотря на раннее утро, вода в озере оказалась темной, неприветливой, почти черной. Даже у самого берега дно было практически не разглядеть. А уж о том, что таилось в глубине, даже я могла только догадываться.

– Прогуляйся вокруг, осмотрись, – бросила я Горынычу, попутно изучая спокойную водную гладь. – Можешь даже ягоды с кустов собрать. Они как раз созрели. Только к воде не приближайся. Что бы ни случилось, что бы ты ни увидел и ни услышал, в озеро не заходи.

– А ты куда?

– Мне надо кое-что сделать, но присутствие посторонних при этом нежелательно.

– Понял. Если что, кричи, – понятно кивнул змей и, потянув носом воздух, отправился гулять вдоль берега.

Дождавшись, когда его силуэт растворится во внезапно разросшемся тумане, я скинула лапти и, приподняв краешек сарафана, медленно вошла в озеро. Недалеко, всего-то по щиколотку. Но даже так ощутила, насколько холодна темная вода и как неприятно льнут к коже склизкие водоросли.

– Здравствуй, соседка. Звала? – негромко произнесла я, еще раз оглядев спокойную с виду озерную гладь.

Озеро тут же заволновалось, забурлило. В самом его центре мгновенно образовался широкий водоворот, от которого кольцами начали расходиться невысокие волны. Потом он стремительно приблизился. А спустя несколько мгновений вода в нескольких шагах от меня бесшумно расступилась,

открыв моему взору высокую статную женщину с длинными, почти до пят черными волосами, надменным лицом, холодными синими глазами и выглядывающей из роскошной шевелюры изящной, созданной из ракушек короной.

Из одежды на озерной владычице имелись лишь длинные, облепившие ее со всех сторон золотистые нити водорослей. Сверху все это богатство едва-едва прикрывали тяжелые темные пряди. Я, правда, никогда не понимала, почему у озерных жителей они всегда оставались сухими, но эту тайну они даже мне не захотели раскрывать, так что о причинах приходилось только догадываться.

При виде меня на бледных губах владычицы появилась слабая улыбка.

– И тебе здравствуй, Яга, – произнесла она низким грудным голосом, от которого у мужчин обычно слабели колени. – Мой дом – твой дом. Благодарю, что так быстро откликнулась.

Я кивнула.

– Что стряслось, Баль?

– Пойдем, – величественно наклонила голову владычица. – Я покажу.

По ее знаку вода рядом со мной снова забурлила, после чего буквально рванулась к небу, но на полпути застыла, образовав этакое водяное зеркало, в котором отражалась я сама и лес за моей спиной.

Водная тропа...

Да, у озерных жителей тоже имелись свои секреты, которые нам, лесным, были по определению недоступны. Баль я, правда, доверяла. По сути, она являлась такой же ведуньей, как я, только властвовала над обширными водными просторами. К тому же мы всегда с ней ладили, поэтому я бестрепетно ступила следом за ней на тропу и ничуть не удивилась, когда спустя всего три шага мы оказались совсем в другом месте.

Судя по всему, это был исток какой-то реки. Вокруг расстилался лес, хотя и не мой. Деревья выглядели чахлыми и больными. Листва с крон наполовину облетела, трава под ними пожухла, несмотря на середину лета. А сам исток выглядел так, словно над ним надругался злобный колдун.

Обычно исток – это просто ключ... холодный, бьющий из-под земли родник с ледяной и безупречно чистой водой, которая затем с веселым журчанием убегает вдаль. Со временем он постепенно расширяется, набирает силу, потом долго петляет по лесам и полям, а под конец так или иначе впадает в какое-нибудь озеро.

Баль знает. Недаром она является владычицей рек и озер. Причем ее владения благодаря большой протяженности рек тянулись намного дальше моих и порой уходили в такие дали, что про них даже я не слыхивала.

Я подошла к истоку и, присев на корточки, оглядела загнивающий родник.

Вода в нем была не ключевой, а какой-то мутной, с дур-

ным запахом и неприятным желтым цветом. Когда я ее коснулась, то сразу поняла – исток погибал. Причем явных причин для этого не имелось. Вокруг не построили плотину бобры, нигде не чувствовалось присутствие человека, грязной волшбой в воздухе тоже не пахло. И тем не менее исток умирал.

– Посмотри вон там, – тихо сказала Баль, указав рукой на чахлые деревья. – Мне нет туда ходу, а ты, скорее всего, сумеешь.

Я послушно выпрямилась и, придерживая сарафан, направилась в указанном направлении, а довольно скоро обнаружила поваленное дерево, в корнях которого прямо из-под земли был еще один ключ. Только совсем уж грязный и ужасно вонючий. Запах у него был точно такой же, какой исходил из истока, только гораздо сильнее. Вода оказалась совершенно темной, от нее валил пар, а время от времени внутри смердящей лужи что-то подозрительно бурлило, а потом на ее поверхности вздувались такие же вонючие пузыри, словно на старом загнивающим болоте.

– Что за дела? – неприятно удивилась я, ни на миг не усомнившись, что именно эта лужа отравила речной исток. А потом выглянула из-за дерева и крикнула: – Баль, у тебя с болотной ведуньей какие-то счеты?

Терпеливо дожидаящаяся меня в ручье владычица поджала губы.

– Нет. Мы с Варной не ссорились. Но это уже третий ис-

ток, который она старается мне загубить. И на случайность это не очень похоже.

– Ты пыталась с ней поговорить?

– Дважды к ней девочек отправляла, – кивнула Баль. – Чужой исток у моих границ мне не нужен. Пришлось его уничтожить. Но Варна не откликнулась. И болото от моих границ не отозвала. Даже наоборот, стало еще хуже, и на этот раз у меня не хватило сил с ней справиться. Поэтому я и прошу тебя помочь.

Я окинула взглядом отравленный лес.

Да, границы наших владений нередко сливаются, переплетаются и иногда даже путаются. Где-то лес граничит с болотом, где-то, наоборот, с рекой или озером. Порой болото может подойти вплотную к деревьям. Но, как правило, дальше этого дело не заходит. Мне вполне мирно сосуществуют друг с другом. Быть может, не дружим в полном смысле этого слова, но и враждовать у нас повода нет.

Однако Варна создала клочок своего болота именно там, где он пусть и не особенно мешал сейчас, но в скором времени мог серьезно навредить Баль. И поскольку это было сделано уже трижды, то на случайность, как и сказала владычица, точно не походило.

Я обошла грязный ключ по кругу, коснулась одного дерева, другого, затем попыталась дотянуться до здешней земли и искренне порадовалась, когда та ответила. Более того, охотно поделилась силой и позволила даже вдали от моего

собственного источника полноценно работать.

На то, чтобы закрыть «плохой» ключ, у меня ушло около получаса.

Он, правда, поначалу не желал уходить, отчаянно цеплялся за жизнь, всеми силами сопротивлялся и всячески старался улизнуть от моей магии. Даже попытался ужаться и спрятаться под корнями, чтобы его не заметили. Однако земля не подвела и буквально высушила, выкинула чужой источник вон, после чего исток Баль с облегчением вздохнул, а вода в нем явственно посветлела.

– Спасибо, Яга, – улыбнулась владычица, когда я выбралась из леса и, проверив ручей, удовлетворенно кивнула. – Мы у тебя в долгу.

– Я поговорю с Варной, – пообещала я. – Надо выяснить, чем ты могла ее обидеть.

Баль нахмурилась.

– Мы с ней не ссорились. По крайней мере, не больше, чем обычно. Но то, что она делает, очень похоже на объявление войны.

– Не спеши с выводами, – попросила я. – Давай сперва ее выслушаем, а уже потом будем что-то решать, хорошо?

Владычица на это ничего не ответила, однако тропу все-таки создала и благополучно вернула меня обратно к Черному озеру. Правда, совсем не в то место, откуда мы уходили. А когда я оказалась на берегу, то услышала громкий плеск и озорное женское хихиканье, заставившее меня недовольно

нахмуриться.

Эх, все-таки не послушался...

– Ты пришла не одна? – повернула голову в сторону ближайших кустов Баль, где снова послышалась какая-то возня. – Яга, ты в кои-то веки привела к нам мужчину?

– Да, так получилось. Извини, что без приглашения.

Владычица к чему-то прислушалась и неожиданно хмыкнула.

– Такой сильный, смелый... но глупый, как и все самцы. Ты привела его к нам в качестве дара?

– Нет. Это мой гость. Он здесь случайно оказался.

– Хорошо, – после мимолетного колебания согласилась она, отступая обратно на глубину. – Мы своих не трогаем. Но в следующий раз пусть твой гость соблюдает осторожность.

Вода вокруг нее снова забурлила, поднялась, и через мгновение озерная владычица скрылась из виду. Тогда как я сердито сдвинула брови и, торопливо обувшись, отправилась искать своего легкомысленного змея.

Он нашелся неподалеку, буквально за кустами, рядом с наполовину торчащим из озера бревном. Берег там обрывался очень круто, сделай буквально шаг от кромки воды, и все, ухнешь в омут с головой. Однако Горынычу повезло – под ним все-таки обнаружилось дно. Поэтому сейчас он сидел по шею в воде, расслабленно прислонившись спиной к мокрой деревяшке, обалдело хлопал ресницами и да-

же не пытался возражать, пока к нему настойчиво липли три абсолютно голых девицы, которые его только что не облизывали.

При этом повязку он где-то потерял. Бесстыдниц обнимал сразу обеими руками, нимало не смущаясь наличием лубков. Ничуть не сопротивлялся тройному напору, ни разу не пытался проявить инициативу, а лишь пьяно глазел на аппетитные формы прелестниц и охотно позволял девицам елозить по себе ладонями, обнаженной грудью, губами и вообще всем, чем только можно. Ну разве что глаза время от времени закатывал и томно вздыхал.

– А ну брысь! – рявкнула я при виде эдакого бесстыдства. – Пошли прочь, мокрицы приставучие!

Девицы ойкнули, фыркнули, прыснули в разные стороны, а Горыныч запрокинул голову и укором посмотрел на меня снизу вверх.

– Яга, ну ты чего? Они же такие красивые, ласковые... Ну разве что холодные немного.

– Красивые, говоришь? – промурлыкала я, подойдя почти вплотную и заглянув в его помутневшие глаза. – А ты на отражение-то их взгляни хорошенько.

Он послушно перевел взгляд чуть дальше, на кусты, рядом с которыми торчали три призывно улыбающиеся ему девичьи головки: белая, черная и рыженькая. Девицы в ответ вроде как засмутились, очи темные вниз скромно попустили, а вот полные груди, наоборот, выставили напоказ. Да

еще специально то уходили под воду, то снова показывались змею во всей красе, нагоняя волну, а заодно дразня и распалая тот самый пожар, перед которым редкий мужчина сможет устоять.

Горыныч тоже замер, разинув рот, словно в первый раз их увидел. Едва слюной не закапал. Но тут же словил тяжелый подзатыльник и клюнул носом воду.

– Яга-а... Буль! За что?!

А потом наконец-то увидел дрожащее в воде отражение, где вместо изящных девичьих головок проступили три жуткие рожи с мутными бельмами глаз, рыбьими гребнями на хребтах и акульими зубами во всю пасть, и с перепугу чуть снова не утоп.

– А-А-А... Буль-буль-буль!

Я схватила дракона за волосы и выдернула обратно, чтобы не задохся.

– Ну как впечатление? Все еще считаешь их красавицами?

– Мать моя дракона...

Горыныч, отплевавшись, опрометью вылетел из воды и дрожащими руками подтянул спадающие штаны. А девичьи, разочарованно вздохнув, дружно нырнули и мгновенно исчезли в темных водах Черного озера.

– Жуть какая! Почему ты не предупредила, что тут такие страхолюдины водятся?!

– Я тебе сказала не приближаться к воде.

– Да я и не приближался!

– Неужели? А откуда, по-твоему, я тебя сейчас достала?! Горыныч шумно выдохнул.

– Я просто мимо шел, ясно?! Вообще не собирался туда лезть, тем более что там вороны отчего-то раскаркались. А потом смотрю – тонет кто-то, внизу даже тело чье-то мелькнуло. Ну я и побежал помочь. В воду ты велела не заходить, поэтому я на бревно запрыгнул. Руку протянул, а они оттуда сразу – хват! И в озеро меня втроем и утянули! Я сперва с головой ушел, со страху чуть огнем не плюнул. Но потом все-таки дно ногами нащупал, почти выбрался, как тут...

– Вороны раскаркались? – недоверчиво переспросила я. Он с досадой отвернулся.

– Да. Голоса такие противные, аж слух режет. Но я сначала не сообразил, что на озерах каркать попросту некому. А потом... потом забыл. Кто ж знал, что они такие страшные?!

Я шумно выдохнула.

– Русалки умеют морок наводить. Недаром это озеро не только Черным, но и Гиблым называют – из него еще ни один мужчина не сумел самостоятельно выплыть.

– Почему только мужчины? – не понял дракон.

– Потому что женщины русалок не интересуют. А мужчин они сперва песнью волшебной заманивают, потом впрыскивают в кровь яд, чтобы затуманить разум окончательно. Ублажают, по очереди спариваются, чтобы заполучить

как можно больше потомства. А когда жертва ослабнет, ее утаскивают на дно и поедают заживо, пока она радостно пускает пузыри.

Горыныч зябко повел плечами.

– Фу. Гадость какая.

– Тебе еще повезло, что их песнь на тебя не подействовала. Обычно мужчины находят голоса русалок привлекательными, – продолжила я, а потом повнимательнее присмотрелась к его горлу. – Хотя отравить тебя, похоже, они все-таки успели... вон отметины от зубов остались.

Змей торопливо провел рукой по шее и вздрогнул, обнаружив на пальцах свежую кровь.

– Вот сволочи! Я теперь что, умру?!

– Нет, конечно. Но противоядие тебе все-таки лучше выпить. Пойдем домой.

– Пойдем, – с облегчением согласился змей. – Мне, наверное, эти чуда-юда еще долго в кошмарах сниться будут.

– С женщинами вообще следует быть осторожнее, – проворчала я, открывая заповедную тропу. – И каждый раз тщательно проверять, прежде чем с кем-то лобызаться.

Горыныч пробормотал в отчет что-то невразумительное и первым шагнул к дому. Я – за ним. Прямо-таки след в след прошла за змеем, поднялась на крыльцо и даже придержала дверь, когда он, шумно раздувая ноздри, зашел в сени.

Обычно русалочий яд действует на мужчин возбуждающе. От него мгновенно отключается разум, появляется по-

вышенная активность, а также вполне объяснимое желание, причем такой силы, что из всех возможных мыслей в помутневшей мужской голове остается всего одна.

Собственно, ради этого парней и травили, иначе потомство русалкам было бы не зачать.

Однако змей даже в озере не походил на обезумевшего от страсти самца. Напротив, он выглядел непривычно вялым, малость обалдевшим от свалившегося на него «счастья», но при этом совершенно расслабленным, если не сказать, что безвольным.

Русалки, хоть и старались, но получить от него ничего не смогли. И, наверное, сами не поняли, почему их безотказная песнь в этот раз дала такую досадную осечку.

Потом, правда, дракон встряхнулся, протрезвел. Однако теперь, когда все ужасы остались позади, его снова повело. Более того, Горыныч, едва вошел, аж пошатнулся, а потом почему-то повернул не к столу, где стояла нетронутая с утра еда, а в светлицу. Причем в мою. После чего в два шага добрался до аккуратно застеленной постели, рухнул на нее лицом вниз и, пробормотав: «Доброй ночи, сладких снов!» – мгновенно отрубился.

Я только руками развела.

Вот тебе и дракон. Все у него не как у людей.

Пришлось снова поднимать его левитацией, переворачивать, перекладывать на другую постель. Потом идти за противоядием и аккуратно поить спящего парня, чтобы побыст-

рее пришел в себя.

– Мяу! – с неодобрением взглянул на него с подоконника Базилевс.

Я тяжело вздохнула.

– Ты прав. У него немало недостатков. Но в Черное озеро он, пожалуй, единственный полез, чтобы помочь утопающему. Остальных туда привела исключительно похоть. И что мне теперь с ним делать, а?

– Фр-р!

Я глянула на вздыбившего шерсть кота. А потом присела на краешек постели, откинула с лица Горыныча мокрую прядь и крепко задумалась.

Глава 5

За то время, пока змей спал, я как раз успела переделать все дела. И дома прибралась, и ужин приготовила, и огород обиходила, и в лес за нужными травками сходила, и зверушек, прибежавших за помощью, подлечила. Даже одну феечку успела поймать, когда та, объевшись нектара, прямо у меня на глазах чуть не упала с большого цветка и едва не сломала себе крылышки.

– Спасибо! – пискнула фея, выпорхнув у меня из ладони.

– В следующий раз будь осторожнее, – пожурила ее я и, пользуясь случаем, попросила отнести весточку на болото, чтобы Варна знала о моем желании ее навестить.

Фея не отказала. И даже согласилась лично сообщить обитателям болота мою просьбу.

Ну а я, когда уже под вечер вернулась домой, прямо на выходе с тропы обнаружила, что в нем не все ладно.

Во-первых, почему-то там было шумно. Во-вторых, суетливо. Да и вообще на поляне царил полный бедлам: забор оказался разломан в двух местах, грядки жестоко вытоптаны, вырванная с корнем морковка разбросана по всему двору. В воздухе витали крохотные обрывки укропа. Тогда как Горыныч, который должен был спать как минимум до полуночи, давно проснулся и теперь носился вокруг дома с лаптем наперевес.

Причем лапоть он держал в левой (якобы сломанной) руке и при этом активно им размахивал. Лубки вместе с повязкой куда-то выбросил... а, вон они под крыльцом валяются. И испачканные в земле тряпицы нашлись там же. А Горыныч вдруг от души швырнул лапоть куда-то в кусты и мстительно прошипел:

– Вот тебе, тварь поганая! Я тебе покажу, как чужое воровать!

В ответ из кустов раздался возмущенный писк, после чего ветки недовольно зашелестели, а трава вдоль забора резко заколыхалась, как если бы под ней кто-то очень-очень быстро прошмыгнул.

– Врешь! Не уйдешь!

Горыныч с удвоенной силой ринулся вдогонку. Однако, как ни странно, догнать добычу не смог, а трава, которая буквально мгновение назад колыхалась в одном месте, тут же успокоилась, но почти сразу заволновалась в другом. Причем на очень приличном расстоянии от первого.

Змей, разумеется, кинулся туда, на ходу оглядываясь в поисках нового снаряда. Но камней или чего-то более тяжелого на земле не нашлось, лапти, судя по всему, у Горыныча тоже закончились, поэтому он подлетел к поленнице, вытащил оттуда приготовленную для растопки деревяшку и с силой метнул ее туда, где, как ему казалось, скрывался неведомый враг.

Остатки забора, в который угодила деревяшка, содрог-

нулись до основания. Сама деревяшка запуталась в кустах. А трава в том месте легонько зашелестела, после чего кто-то с невероятной прытью кинулся прочь, создавая в травяном ковре узкую дорожку.

– Да твою ж лохматую мать! – ругнулся змей, досадно промахнувшись. – А ну стоя-а-ать!..

При этом меня увлекшийся погоней дракон даже не заметил. Базилевс, которого я оставила дома за старшего, почему-то спрятался на крыше и с нескрываемым любопытством следил за разворачивающейся битвой. Тогда как Горыныч...

Присмотревшись, я не сразу поняла, за кем именно он гоняется. И лишь когда после очередного броска из густой травы под забором с возмущенным писком вылетело крохотное лохматое существо с зеленой шерстью и большими круглыми ушами, до меня начало доходить.

– Вон пошла, мерзость ушастая! – гаркнул Горыныч, подхватив с земли несколько шишек и ловко пульнув их в незваного гостя. – На, получай!

Существо протестующе защелкало, засвистело, замахало лохматыми руками, однако от шишек ловко увернулось и, проявив достойную уважения скорость, метнулось под дом.

Поскольку дом у меня стоял не на простых камнях, а на четырех опорах, да еще под ним обильно росла трава, то существо спряталось там быстро и очень надежно. Густая зеленая шерсть и маленький рост позволяли ему оставаться совершенно незаметным. Но мне и не нужно было на него

смотреть, чтобы понять, в чем дело, и всерьез обеспокоиться за судьбу своего второго гостя.

– Горыныч, стой! – крикнула я, кинувшись змею наперерез. – Не смей его обижать!

– Ах вот ты что удумал... – не услышал меня тот и, подхватив с земли новую порцию шишек, буквально обстрелял траву у меня под домом.

И на этот раз, к сожалению, все-таки попал, потому что из-под крыльца донеслось обиженное пощелкивание, долгий протяжный свист, после чего оттуда в Горыныча прилетела самая большая шишка и ловко тюкнула его в лоб. Еще через мгновение из травы показалась ушастая голова, а из-под шерсти зло блеснул один-единственный ярко-зеленый глаз.

– Тьфу! – сердито плюнул его обладатель в сторону схватившегося за лоб змея. После чего тело обиженного малыша мгновенно покрылось рябью, стало невидимым и буквально растворилось в воздухе, оставив змея с носом.

– Горыныч... – простонала я, запоздало поняв, отчего Базилевс так и не вмешался, а предпочел переждать на крыше. – Что же ты наделал?!

Змей от неожиданности аж вздрогнул и суетливо обернулся.

– Яга?! Ой, привет, я тебя не заметил.

– Дурень... да кто ж тебя просил-то?! – в ужасе схватила за голову я. – Ты хоть понимаешь, что натворил?!

Горыныч шмыгнул носом.

– Да ничего я не натворил. Проснулся, а тебя нет. Решил вот по двору прогуляться, а тут смотрю – тварь какая-то мелкая через забор лезет, а потом к дому юркнула и как давай там шебуршиться... вот я ее и шуганул, чтоб на твое добро не зарилась.

– Эх, Горыныч...

Я с сожалением посмотрела на гордо приосанившегося парня.

– Лучше бы ты сидел дома и ни во что не вмешивался.

– Да как тут не вмешаться?! И вообще, что в этом такого? Подумаешь, мелочь зеленую выгнал. Я, между прочим, о тебе заботился. Твое имущество, не жалея живота, защищал. Вот!

Я только головой покачала.

– Ты не меня спас, а только что нажил себе огромную проблему. И без преувеличения накликал на свою голову все тридцать три несчастья разом.

– Кто? Я? – не поверил дракон. – Из-за этого вот ушастого?!

– Это не просто ушастый, – тяжело вздохнула я. – Это, Горыныч, Лихо одноглазое. Я ему молоко в блюдечке под забором оставляю, больно уж Лихо его любит. А ты его обидел. Так что не будет тебе теперь ни в чем удачи. До тех пор, пока Лихо не смилостивится и не снимет с тебя сглаз.

У змея недоверчиво сузились глаза.

– Лихо? Вот это мелкое недоразумение?!

– Да, – с досадой подтвердила я. – У него глаз дурной. Если порчу нашлет, так вовек не отмоешься. А ты...

– А что сразу я-то? – мгновенно насупился Горыныч. – Я вообще как лучше хотел. Кто ж знал, что у тебя такие гости бывают?

Я прикусила губу.

Ну ведь знала же, что он совсем меня не слушает! Видела, что ему не до моих наставлений, а о том, чтобы повторить лишний раз, не подумала. Обычно мои посетители знают, куда попали, и с первого раза запоминают, что можно, а что нельзя, поэтому с ходу на гостей не бросаются, от всего нового и непонятного стремятся держаться подальше, да и к Базилевсу стараются прислушиваться. Тогда как Горыныч...

– Ладно, пойдем в дом, – снова вздохнула я. – Только будь осторожнее. Неровен час на гвоздь наступишь. Не уверена, что после встречи с Лихом на тебе все будет заживать, как всегда.

– У тебя что, гвозди на дворе разбросаны? – не понял моего предостережения змей.

– Нет. Но для тебя один обязательно найдется. Птица принесет. А может, зверь из земли выкопает. И по закону подлости этот гвоздь обязательно окажется у тебя под ногой, да еще и встанет так, чтобы точно в пятку вонзиться.

Дракон с сомнением оглядел разгромленный двор. Затем перевел взгляд на свои босые ноги. После чего взглянул на мое расстроенное лицо, немного подумал и... довольно

бодро двинулся к крыльцу.

Похоже, все-таки не поверил.

А по пути ожидаемо споткнулся и едва не растянулся у меня перед носом.

– Это всего лишь совпадение, – пробормотал он, с трудом удержав равновесие. – Подумаешь, со всеми бывает.

Я не стала возражать. Просто отошла в сторону, позволяя ему самостоятельно взойти на крыльцо. И ничуть не удивилась, когда Горыныч снова споткнулся на ровном месте, только на этот раз все-таки грохнулся и пребольно ушиб колено о деревянную ступеньку.

– Да чтоб тебя...

– Я же сказала: осторожнее. Думаешь, зря Лихо называют лесной погильею? Там, где он пройдет, здоровые ветки сами по себе ломаются и падают кому-нибудь на голову. Крепкие стволы без причин переламываются надвое. Вода в водоемах тухнет. Рыба дохнет. Звери ноги ломают и падают на ровном месте. Тогда как люди... люди не зря стараются держаться от этих мест подальше. А если Лихо где увидят, так бегут от него без оглядки.

– Да пес бы его побрал, это твое Лихо! – буркнул дракон, с горем пополам все-таки преодолев крыльцо и взявшись за ручку двери. Причем взялся он, явно не рассчитав силы, так что накрепко прикрученная железка неожиданно отвалилась и шлепнулась прямо на босые пальцы Горыныча.

– Уй-уй-уй! Проклятая тварь... надо было сразу ее при-

шибить!

Змей с руганью запрыгал на одной ноге, шипя и отчаянно держась за больное место. И надо же было такому случиться, что вторая его нога внезапно поехала на совершенно сухих досках, отчего и без того болезненный дракон поскользнулся и со всего размаха грянулся навзничь, отшибив себе не только спину и копчик, но еще и затылок!

– Яга-а-а... – простонал он снизу, уже не зная, за что ему держаться. – Проклятье, это что, всегда так?!

– Увы, – с сожалением подтвердила я, поднимаясь на крыльцо и помогая змею сесть. – Удача от тебя отвернулась. Ты будешь постоянно спотыкаться, падать там, где даже ребенок спокойно пройдет, биться обо все подряд... все неприятности, которые только могут случиться, обязательно с тобой произойдут. Если за нож возьмешься – обязательно порежешься. Из лука попробуешь выстрелить – в ногу себе попадешь. Если в лес пойдешь, то непременно или дерево на тебя рухнет, или заблудишься в трех соснах, или на косолапого наткнешься. Купаться отправишься – ногу сведет так, что утопнуть можешь...

– И что, нет никакого способа от этого избавиться?

– Есть. Надо Лихо отыскать и прощения у него попросить.

– Чего?! – вытаращился на меня Горыныч, но тут треснулся лбом о дверной косяк и тихонько взрыл: – У-у-уй! Да что ж такое-то?!

Заставив его пригнуть голову, я бережно и аккуратно про-

вела его через уставленные вилами, метлами и ведрами сени. Так же осторожно завела в дом, усадила на массивную лавку и строго посмотрела сверху вниз:

– Сиди здесь. Не вздумай даже подняться – упадешь. Я сейчас тебе синяки намажу, а потом будем думать, что делать дальше.

Горыныч горестно застонал.

– Тварь ушастая... не буду я перед ней извиняться!

Крак!

– А-а! – взвыл в голос оказавшийся на полу змей и злобно пихнул развалившуюся прямо под ним некогда крепкую скамью. Причем пихнул до крайности неудачно – торчащий из обломка длинный заусенец больно впился ему в кулак, отчего змей взвыл еще громче, попытался подняться, но тут же поскользнулся и снова упал, после чего окончательно озлился и разразился очередной порцией брани.

– Сиди спокойно! – прикрикнула на него я из другой комнаты. – Ничего не трогай – поранишься только!

Горыныч в очередной раз выругался, однако попыток подняться больше не предпринимал. Когда я вернулась с небольшой баночкой, он покорно позволил смазать все свои ушибы. Стерпел детальный осмотр. Покрутил левой рукой, окончательно убедив меня в том, что в лечении она больше не нуждается. Однако когда я протянула ладонь, чтобы помочь ему подняться, посмотрел на меня, как на ненормальную.

– Ты что? Я сам!

– Уверен? – приподняла я брови, когда новая попытка подняться с пола окончилась для дракона сокрушительной неудачей.

Тот глухо зарычал, но за протянутую руку все-таки ухватился и вот так, как ребенок, был сперва поднят на ноги, а потом приведен в светлицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.